

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАКТИКА

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2019. Том 15, № 1

СОДЕРЖАНИЕ

Гражданское, предпринимательское и семейное право

- Горина Н. В.* Перспективы развития правовой конструкции наследственного фонда в гражданском праве Российской Федерации 5
- Рубцова Н. В.* К вопросу о техническом регулировании предпринимательской деятельности 15
- Чернусь Н. Ю., Войтович Е. П.* Место договора финансовой аренды (лизинга) в системе гражданско-правовых договоров 20
- Краснова Т. В., Павленко О. В.* Правовое положение несовершеннолетних родителей: межотраслевое исследование 26

Экологическое и природоресурсное право

- Мельникова В. Г.* Правовой механизм обеспечения экологической безопасности при разработке и внедрении новых технологий: постановка вопроса 35
- Кузьмин Р. Р.* К вопросу о двойной аренде земельных участков 41

Уголовное право, уголовно-исполнительное право, криминология

- Дамм И. А.* Подходы к определению безопасности в законодательстве Российской Федерации 48

<i>Кириловская Н. Н.</i> Реализация права на охрану здоровья и медицинскую помощь в учреждениях УИС (на основании анализа практики Европейского Суда по правам человека)	55
<i>Пастушенко А. А.</i> Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа за совершение нецелевого расходования бюджетных средств	63
Информация для авторов	68

JURIDICAL SCIENCE AND PRACTICE

Scientific Journal
Since 1999, November
In Russian

2019. Volume 15, № 1

CONTENTS

Business, Civil and Family Law

- Gorina, N. V.* The Prospects of Development of Legal Construction of Hereditary Fund in Russian Civil Law 5
- Rubtsova, N. V.* To the Question on Technical Regulation of the Entrepreneurial Activity 15
- Chernus, N. Yu., Voytovich, E. P.* Place of Financial Rent (Leasing) Agreement in the System of Civil Legal Agreements 20
- Krasnova, T. V., Pavlenko, O. V.* Legal Position of Minor's Parents: Interdisciplinary Research 26

Environmental and Natural Resource Law

- Melnikova, V. G.* Legal Mechanism of Ensuring Environmental Safety in the Development and Implementation of New Technologies: Statement of the Question 35
- Kuzmin, R. R.* To the Question about Double Lease of Land Plots 41

Criminal Law and Criminology

- Damm, I. A.* Approaches to the Definition of Security in the Legislation of Russian Federation 48
- Kirilovskaya, N. N.* Implementation of the Right to Health Protection and Medical Care in Institutions of the Penal System (Based on the Analysis of the European Court of Human Rights) 55
- Pastushenko, A. A.* Exemption from Criminal Responsibility with the Appointment of a Judicial Fine for Committing of the Unspecified Expense of Budget Funds 63
- Instruction to Contributors 68

Editor in Chief V. N. Lisitsa *Associate Editor* N. I. Krasnyakov
Executive Secretary E. R. Voronkova

Editorial Board of the Series

O. I. Andreeva, Ch. I. Arabaev, V. A. Boldyrev, V. S. Kamenkov, M. I. Kleandrov, S. V. Kodan, I. A. Kravets
E. V. Korotysh, I. D. Kuzmina, A. A. Makartsev, S. P. Moroz, D. S. Murtazakulov, N. V. Omelyokhina
V. I. Plokhova, S. G. Proskurin, V. N. Rudenko, N. V. Shchedrin, T. V. Shepel
V. L. Tolstykh, A. V. Tsikhotsky, E. P. Voytovich, E. A. Zhegalov

Editorial Board of the Journal

M. P. Fedoruk (Chairperson), S. G. Sablina (Vice-Chairperson), D. V. Churkin (Vice-Chairperson)
M. M. Lavrentyev (Vice-Chairperson), A. V. Arzhannikov, S. S. Goncharov, V. S. Diev, V. I. Molodin, G. M. Mkrtchyan
O. N. Pervushina, M. K. Timofeeva

*The journal is published quarterly in Russian since 1999
by Novosibirsk State University Press*

The address for correspondence

Law Department, Novosibirsk State University
1 Pirogov Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
Tel. +7 (383) 363 42 54
E-mail address: pravo@vestnik.nsu.ru; urfakngu@yandex.ru
On-line version: <http://elibrary.ru>

УДК 347.6

DOI 10.25205/2542-0410-2019-15-1-5-14

**Перспективы развития
правовой конструкции наследственного фонда
в гражданском праве Российской Федерации**

Н. В. Горина

*Тюменский государственный университет
Тюмень, Россия*

Аннотация

Рассматриваются основные преимущества нового правового института путем выявления проблемных вопросов в теории, законодательстве и правоприменительной практике, а также положительные аспекты введения нового объекта наследования. Научная новизна заключается в комплексном рассмотрении порядка осуществления и защиты наследственных прав граждан на новый объект – наследственный фонд. Исследуются правоотношения, возникающие между нотариусом и заинтересованными лицами в процессе создания, управления и ликвидации наследственного фонда. Проанализирован положительный и отрицательный опыт зарубежных стран, в которых закреплена правовая конструкция наследственного фонда. Предложен ряд выводов по усовершенствованию правового института наследственного фонда в гражданском праве Российской Федерации.

Ключевые слова

наследственный фонд, наследство, завещание, нотариус, наследник, наследодатель, учредитель наследственного фонда, выгодоприобретатель, выморочное имущество, гражданское право

Для цитирования

Горина Н. В. Перспективы развития правовой конструкции наследственного фонда в гражданском праве Российской Федерации // Юридическая наука и практика. 2019. Т. 15, № 1. С. 5–14. DOI 10.25205/2542-0410-2019-15-1-5-14

**The Prospects of Development
of Legal Construction of Hereditary Fund
in Russian Civil Law**

N. V. Gorina

*Tyumen State University
Tyumen, Russian Federation*

Abstract

The current article deals with principal advantages of the new legal institution by identifying both positive and negative sides. In the center of attention of the author is new legal design named as hereditary fund. The scientific novelty consists of complex consideration of procedure for implementation and protection of the hereditary rights of citizens upon to the new object – the hereditary fund. The article discusses the main advantages of new legal institution by identifying problematic issues in theory, legislation and law enforcement, as well as the positive aspects of introducing a new inheritance object. The author studies the legal relations arising between the notary and interested persons in the process of creating, managing and liquidating the hereditary fund. The positive and negative

experience of foreign countries in which the legal structure of the hereditary fund is fixed and analyzed. Some new conclusions on the improvement of the legal institution of the hereditary fund in the civil law of the Russian Federation are proposed at the end of present article.

Keywords

civil law, inheritance, will, notary, heir, testator, beneficiary, escheat, Civil Code, hereditary fund

For citation

Gorina, N. V. The Prospects of Development of Legal Construction of Hereditary Fund in Russian Civil Law. *Juridical Science and Practice*, 2019, vol. 15, no. 1, p. 5–14. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2019-15-1-5-14

Благотворитель – это человек, который предпочел отдать деньги тем, кто их оценит, вместо того чтобы оставить их своим родственникам.

Неизвестный автор

С 1 сентября 2018 г. в российском гражданском праве появилась новая организационно-правовая форма юридического лица – наследственный фонд. Необходимость введения данного правового субъекта обусловлена потребностью создания более эффективной системы управления наследственной массой, а также усложнением ее состава [1. С. 83]. Согласно Федеральному закону от 29 июля 2017 г. № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» наследственным фондом признается создаваемая во исполнение завещания организация, которая после смерти завещателя будет управлять его наследственным имуществом бессрочно или в течение определенного срока¹. Назначение организации заключается в управлении имущественными активами наследодателя, деятельность которого направлена на устойчивое развитие бизнеса умершего или иного законного получения доходов, например аренды многочисленных объектов недвижимости. Все полученные средства от деятельности фонда могут в дальнейшем использоваться в бизнесе наследодателя, а их часть систематически передается наследникам, т. е. обеспечивает материальное благосостояние. П. В. Крашенинников справедливо отмечает, что наследственный фонд позволит сохранить активы наследодателя в «прижизненном» виде, защитить интересы кредиторов умершего лица, а главное – лиц, которым полагается обязательная доля в наследстве, в особенности несовершеннолетних детей (см. [2]). На наш взгляд, наследственный фонд становится одним из наследников наряду с указанными в завещании гражданами, организациями, а также наследниками по закону, что создает все условия для развития отечественной благотворительности. Доказательством данного утверждения является Концепция развития гражданского законодательства, в которой про наследственный фонд в принципе не упоминается. Законодатель также не раскрывает причины возникновения новой правовой конструкции в гражданском праве РФ.

Следует отметить, что возникновение и развитие наследственного фонда в российской правовой системе заимствовано из стран Запада. Анализируя зарубежный опыт, новое для российского права понятие, приходим к выводу о том, что наследственный фонд существует во многих странах мира относительно давно. Так, возможность учреждения подобных фондов в том или ином виде давно предусмотрена гражданским правом Великобритании, США, Австрии, Германии и других стран [3. С. 22]. Например, в Великобритании подобные фонды именуются «трастами» и впервые появились в XI в. В средние века передача имущества бенефициаром через такой институт стала активно использоваться как альтернатива завещанию и средство против налога на наследство. Английские законодатели

¹ СЗ РФ. 2017. № 31 (Часть I). Ст. 4808.

усовершенствовали форму владения имуществом, где активы принадлежат трасту, но контролируются прежним владельцем состояния. Более того, в зарубежных странах подобные фонды создают успешные, социально ориентированные бизнесмены и состоятельные граждане еще при жизни, где основной целью является не поддержание определенного материального уровня наследников после своей смерти, а благотворительность на пользу общества: средства из фонда могут расходоваться в интересах конкретного университета, города или даже человечества. В качестве примера всемирно известных фондов можно привести фонд Альфреда Нобеля, фонд Генри Форда. Отличительной особенностью является то, что все эти фонды существуют за счет дивидендов от акций. Положительным моментом зарубежных наследственных фондов следует признать возможность их создания при жизни наследодателя с целью наблюдения и анализа будущей работы данного фонда после смерти наследодателя и дальнейшей корректировки в условиях управления. В Российской Федерации, как уже было отмечено, создание подобного фонда предусмотрено только после смерти. Предполагается, что законодатель «запускает» данную правовую конструкцию в усеченном виде по сравнению с зарубежными правовыми конструкциями.

По поводу цели установления наследственного фонда в гражданском праве РФ ведется оживленная научная дискуссия. Так, В. А. Белов полагает, что главной целью введения наследственного фонда является сохранение работоспособности бизнеса [4. С. 130]. Передача прав фонду позволяет избежать дробления имущества и сохранить его в едином комплексе, необходимом для правильного функционирования бизнеса. Однако нередки случаи, когда при передаче в наследство бизнеса возникают сложности, связанные с необходимостью ожидания даты вступления наследников в права. Срок ожидания может составить от полугода и более.

Новый институт наследования позволит избежать споров по поводу распределения наследственной массы, поскольку вместо имущества, определяемого размером наследственной доли, наследники получают постоянные дивиденды от предприятия умершего наследодателя соразмерно доле в праве на наследство. При создании фонда минимальный срок между смертью завещателя и началом функционирования фонда позволяет не прерывать операционное руководство бизнесом. При этом разделить доли в бизнесе среди нескольких наследников можно таким образом, чтобы предотвратить корпоративные конфликты между ними.

Наследственный фонд создается в случае прямого указания об этом в завещании. Более того, данная процедура возможна лишь при составлении «простого», нотариально оформленного завещания. В законодательстве прямо указано на невозможность учреждения наследственного фонда посредством составления закрытого завещания. По нашему мнению, законодатель логично ограничил условия его оформления, поскольку закрытое завещание – это гарантия абсолютной реализации принципа тайны завещания. Даже в отсутствие такой сложной правовой конструкции, как наследственный фонд, само по себе закрытое завещание нередко является предметом оспаривания завещания в суде. Учитывается также и тот факт, что создание устава наследственного фонда невозможно без квалифицированной правовой помощи и участия профессионалов в сфере управления бизнеса по различным направлениям, где само значение тайны закрытого завещания утрачивает свое особое значение [3. С. 24].

Фонд начинает работу после открытия наследства и регистрации его деятельности посредством направления документов в уполномоченный орган нотариусом. Некоторые ученые называют решение об учреждении наследственного фонда «односторонней сделкой с отлагательным сроком действия» [1. С. 84]. Это означает, что наследодатель не имеет полного и всестороннего представления о том, как будет его фонд осуществлять свою деятельность, что, по нашему мнению, является безусловным пробелом. В данном случае полагаем что в интересах наследодателя следует детализировать возможность управления имуществом или предприятием после его смерти. В случае обнаружения недостатков устава или несоответствия должностей занимаемых ими лиц еще при жизни он имеет право внести изменения

или переизбрать круг лиц, осуществляющих управление фондом. Примечательным является тот факт, что в первоначальной редакции законопроект № 801269-6 «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части совершенствования наследственного права)» предусматривал возможность учреждения наследственного фонда гражданином при его жизни. Данный законопроект был отклонен Государственной Думой ФС РФ. По мнению О. Е. Блинкова, прижизненное создание наследственного фонда создаст условия для вывода имущества из наследственной массы и нарушения прав наследников [5. С. 3].

Впоследствии была внесена поправка о том, что решение об учреждении наследственного фонда принимается гражданином при составлении им завещания и должно содержать сведения об учреждении наследственного фонда после смерти этого гражданина, об утверждении этим гражданином устава наследственного фонда и условий управления наследственным фондом, о порядке, размере, способах и сроках образования имущества наследственного фонда, лицах, назначаемых в состав органов данного фонда или о порядке определения таких лиц.

Обратим внимание на то, что неотъемлемой частью завещания, условия которого предусматривают создание наследственного фонда, являются решение завещателя об учреждении наследственного фонда, устав фонда, а также условия управления фондом, которые должны содержать положения о выгодоприобретателях (наследниках), порядок передачи имущества и/или имущественных прав, а также размер и периодичность выплат выгодоприобретателям. Выгодоприобретатели могут быть определены учредителем фонда при жизни либо могут быть выбраны в соответствии с условиями отбора, порядок которого также определяет учредитель.

Согласно нормам российского законодательства, выгодоприобретатель наследственного фонда имеет право:

- 1) на получение в соответствии с условиями управления наследственным фондом всего или части имущества фонда (п. 2 ст. 123.20-3 ГК РФ);
- 2) запрашивать и получать у наследственного фонда информацию о деятельности фонда в случаях, предусмотренных уставом наследственного фонда (п. 4 ст. 123.20-3 ГК РФ);
- 3) потребовать проведения аудита деятельности фонда выбранным им аудитором (п. 5 ст. 123.20-3 ГК РФ);
- 4) потребовать возмещения убытков, возникших вследствие нарушения условий управления наследственным фондом, если это право предусмотрено уставом фонда (п. 6 ст. 123.20-3 ГК РФ).

Исходя из смысла норм, под выгодоприобретателями должны пониматься наследники. Однако существует другая категория, которая имеет право на получение имущества или имущественных прав наследственного фонда – отдельные категории лиц [6. С. 12]. Законом не определена разница в их правах и обязанностях, но эта категория может обладать всеми вышеуказанными правами в отношении имущества наследственного фонда.

Сам фонд, согласно принятым в ГК РФ изменениям, является некоммерческой организацией, создаваемой для управления наследством умершего завещателя. В соответствии с условиями управления наследственным фондом, правовой режим которого определяется с учетом особенностей, предусмотренных уже новыми нормами, специально посвященными наследственным фондам. Так, в ст. 123.20-1 – 123.20-3 ГК РФ условия управления определяются в каждом исключительном случае его создания². В связи с этим встает вопрос: если цель создания, в большинстве случаев – это управление бизнесом наследодателя, то как соотносится некоммерческий характер деятельности наследственного фонда и предпринимательская деятельность управляемого им предприятия?

² СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

Ответ на поставленный вопрос видится в следующем. По правилам юридической науки существует ряд вечных постулатов. Например, «никто не может передать больше прав, чем имеет». Правовая основа института наследования построена на идее универсального правопреемства, т. е. наследодатель передает имущество, которое имеется на момент его смерти. Конструкция наследственного фонда устанавливает передачу обязанности по учреждению и управлению наследственным фондом, которого еще нет, что по существу противоречит идее наследования в своем изначальном смысле. Наследодатель лишается возможности внести свой вклад в реализации идеи и механизма распоряжения своим имуществом. Фактически он реализует его абстрактно, насколько это возможно с учетом существующих норм. Также существуют некоторые отличия от статуса фонда: так, наследственный фонд не может приобретать имущество на безвозмездной основе, не публикует ежегодные отчеты своей деятельности, сведения об условиях управления являются закрытыми. Исследователи приходят к выводу, что «...наследственный фонд – это, во-первых, уже не некоммерческая организация, преследующая социальные и общепользные цели (п. 1 ст. 123.17 ГК РФ). Во-вторых, его основу не составляют добровольные имущественные взносы. В-третьих, управление этим фондом подчиняется не правилам ст. 123.19 ГК РФ, а указаниям завещателя» [7. С. 3]. Таким образом, можно заключить, что наследственный фонд в большей степени является имущественным фондом с особым правовым режимом использования и управления, чем организационно-правовой формой юридического лица. По нашему мнению, отсутствие безвозмездного увеличения уставного имущества фонда отвечает смыслу его создания, поскольку цель его создания – управление наследственной массой, которая возникла в порядке правопреемства прав и обязанностей умершего лица. Основная цель его создания – не благотворительная, а скорее управленческая.

Приобретение наследственных прав, передача имущества по наследству практически невозможны без обращения к нотариусу, что, безусловно, подчеркивает возникновение новых компетенций нотариуса в области корпоративного права и усиления знания компонента при приобретении статуса нотариуса. Полагаем, что данные условия требуют пересмотра образовательных программ в сфере нотариата, а также изменений требований при сдаче квалификационного экзамена. В данном случае также отмечается важность и необходимость изучения деятельности нотариуса в наследственных правоотношениях, поскольку наследование сохраняет неразрывную связь между поколениями и опосредованно способствует стабилизации и развитию гражданского оборота. Необходимо учитывать, что наследование как одна из разновидностей универсального правопреемства подразумевает переход к наследникам не только наследственного имущества наследодателя, но и его имущественных и отдельных неимущественных прав и обязанностей (ст. 1112 ГК РФ), т. е. переход не только активов умершего гражданина, но и его пассивов. Следует признать, что существуют недоработки и противоречия правового регулирования нотариальной деятельности в специальном законодательстве РФ, что приводит к трудностям реализации гарантированного Конституцией РФ права наследования. Как уже обращалось внимание выше, с введением наследственного фонда и нотариальные полномочия расширятся перечнем новых действий, которые обязан осуществлять нотариус. Первоначально, нотариус должен удостоверить завещание наследодателя, решение об учреждении наследственного фонда, устав фонда, а также условия его управления. Все документы удостоверяются в трех экземплярах: для нотариуса, органа управления и регистрирующего органа.

При подготовке документов заявитель определяет круг лиц, составляющих управление фондом (его органы), либо определяет порядок их избрания. В случае если порядок определить невозможно или указанные завещателем лица отказываются от полномочий, наследственный фонд не создается. В связи с этим на нотариуса ложится другая обязанность: доведение до сведения лиц, входящих в состав органов фонда, условий управления этим фондом (процесс передачи имущества, его условия и субъекты). На органы фонда будет возлагаться определение перечня выгодоприобретателей фонда, а также назначение лиц, которым необ-

ходимо будет передать определенное имущество. В условиях управления будут содержаться указания на вид и размер передаваемого имущества, в том числе имущественные права (например, пользование имуществом, оплату работ или услуг), а также на срок и периодичность этой передачи [7. С. 4].

После открытия наследства нотариус обязан принять меры по учреждению наследственного фонда. Так, на нотариуса возлагается определенный комплекс действий, которые могут быть предусмотрены уставом наследственного фонда, например хранение его документов. И в случае прямого указания нотариус принимает на хранение уставные документы, отчеты о деятельности, судебные акты по спорам с участием организации, протоколы собраний органов управления.

Нотариус подает документы на государственную регистрацию фонда и предоставляет копию учредительных документов выгодоприобретателям. Последние имеют право оспорить действия нотариуса, в случае если обязанности по созданию наследственного фонда нотариус не исполнит или исполнит ненадлежащим образом (п. 3 ст. 123.20-1 ГК РФ). Так, законодательно устанавливается, что действия нотариуса по созданию наследственного фонда могут быть оспорены выгодоприобретателями наследственного фонда, душеприказчиком или наследниками. Отметим, что совершение действий нотариуса ограничено временем, это объясняется сложностью предприятия как наследства. На сегодняшний день в случае процесса наследования коммерческой организации, сроки имеют огромное значение. Практикующие нотариусы отмечают, что часто после такого правопреемства организация банкротится и не стоит буквально ничего: за полгода (в лучшем случае) вся работа приостанавливается, потому что нет уполномоченных лиц на осуществление деятельности, либо недобросовестные члены правления общества распределяют активы в своих интересах так, чтобы наследники не получили ни бизнес, ни доходы от него.

Вместе с тем при всех преимуществах введения новой правовой конструкции наследственного фонда следует выделить отдельные проблемы и недостатки, а также предложить возможные варианты решения спорных вопросов.

Достаточно большой спектр проблемных вопросов возникает в процессе создания наследственного фонда. Согласно законодательству решение и устав создаются гражданином заранее, а на регистрацию его отправляет нотариус уже после смерти наследодателя. Неопределенными, на наш взгляд, представляются последствия того, если регистрирующий орган обнаружит недочеты в поданных документах либо вообще откажет в регистрации по причинам несоответствия документов действующему законодательству. Возникает вопрос, кто вправе вносить изменения в учредительные документы, чтобы исполнить волю умершего гражданина? Нотариус должен проверять учредительные документы о создании наследственного фонда на предмет соответствия законодательству о создании юридического лица. На наследственный фонд распространяется режим нотариальной тайны, в результате чего процесс согласования учредительных документов с реестродержателем в лице Министерства юстиции РФ затруднен. На основании вышеизложенного, полагаем, что вопрос к настоящему времени не решен и требует дальнейшего рассмотрения.

Следующей проблемой можно назвать цель создания фонда. Согласно Федеральному закону от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»³, фонд преследует социальные, благотворительные, культурные и иные общественные цели. Наследственный фонд создается в частных интересах, что не закреплено пока Гражданским кодексом РФ. С точки зрения целеполагания в формировании фонда как юридического лица, наследственный фонд не вписывается в общую систему, поскольку цель наследственного фонда направлена на удовлетворение частных интересов наследодателя и наследников, в то время как целями создания фондов являются социальные, благотворительные, культурные и иные общественные функции. В этой связи предлагаем расширить целевую составляющую фонда как юри-

³ СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145.

дического лица путем добавления возможности удовлетворения частных интересов в создании наследственного фонда как исключение из общего правила.

Дискуссионными, на наш взгляд, представляются положения ГК РФ, которыми не установлено, какие правовые последствия влечет за собой отказ в регистрации фонда при невозможности формирования состава управляющих органов. Также некоторые авторы отмечают, что остается открытым вопрос, в каком порядке надлежит наследовать имущество [1. С. 84]. Предлагается ввести положение, согласно которому имущество, подлежащее передаче на баланс наследственного фонда, в случае невозможности его регистрации наследуется по закону. Вместе с тем п. 4 ст. 123.20-2 ГК РФ определено, что в этом случае фонд подлежит ликвидации. Так, в случае ликвидации фонда имущество передается выгодоприобретателям в той части, в которой определялось право на получение дохода от деятельности фонда, а в случае, если их невозможно определить, имущество передается в собственность РФ. Считаем это положение соответствующим принципам наследования имущества по завещанию и наследованию выморочного имущества.

Наследственный фонд, как и завещание, преследует цель удовлетворения интересов наследодателя в распоряжении или управлении имуществом. В этом ключе требуется закрепление презумпции приоритета воли наследодателя в решении вопросов о легитимации наследственного фонда. В том случае, когда обнаруживаются недостатки в документах о создании фонда, эти нарушения должны быть настолько существенными, чтобы регистрация наследственного фонда в принципе становилась невозможной в силу противоречия публичным интересам. В другом случае наследники или другие заинтересованные лица должны доказать существенность нарушений как обязательного условия для прекращения деятельности фонда и возникновения указанных в законе последствий.

И, наконец, последним, на наш взгляд, пробелом можно признать норму о сроках в отношении наследственного фонда. Так, после регистрации фонда нотариус выдает свидетельство о праве на наследство. Здесь наследодатель обладает специфическими полномочиями, связанными с изменением сроков для принятия наследства. Следует обратить внимание на то, что в решении об учреждении фонда завещатель самостоятельно определяет срок выдачи свидетельства о праве на наследство. Таким образом, фундаментальная норма о шестимесячном сроке принятия наследства здесь приобретает диспозитивный характер. Все указанные проблемы, по нашему мнению, не решены законодателем в настоящее время. На наш взгляд, необходим срок для существования самого фонда – 3 года. В течение этого времени фонд не может быть ликвидирован в добровольном порядке. За деятельностью наследственного фонда следует осуществлять повышенный контроль и надзор со стороны государства в лице Министерства юстиции.

Как уже было отмечено, наследственный фонд – уникальный правовой институт, имеющий сходства сразу с несколькими субъектами права (фонд, доверительный управляющий, душеприказчик), но при этом не относящийся ни к одному из них полностью. Для его реализации законодатель отступает от сложившихся правил во имя интересов наследодателя. Вместе с тем такие отступления делаются ввиду особого правового статуса наследственного фонда, который, как и другие участники наследственных правоотношений, является субъектом наследственного правопреемства. По общему правилу, к наследникам переходят все права и обязанности умершего с момента получения свидетельства о праве на наследство. Фонд же приобретает имущество с момента регистрации юридического лица до получения свидетельства. Представляется, что изменение момента правопреемства связано с желанием законодателя сохранить хозяйственную деятельность предприятия и не тормозить процесс предпринимательской деятельности.

Нельзя не согласиться с тем, что наследственный фонд в определенной степени схож с доверительным управлением, поскольку цель его создания – управление имуществом умершего наследодателя в интересах его наследников. Именно для таких случаев законодатель предусмотрел возможность оспаривания действия или бездействия нотариуса заинтересованными лицами.

Революционность правового регулирования наследственного фонда заключается и в том, что законодатель позволил отойти от принципа неотчуждаемости права на обязательную долю в наследстве. Так, согласно п. 5 ст. 1149 ГК РФ наследник, имеющий право на обязательную долю и являющийся выгодоприобретателем наследственного фонда, утрачивает право на обязательную долю⁴. Он также вправе отказаться от статуса выгодоприобретателя с сохранением права на обязательную долю. Это означает смягчение позиции законодателя в отношении института обязательной доли, в соответствии с которой нотариусом, наконец, может быть учтено мнение необходимого наследника. В связи с этим считаем предложенные выше изменения в отношении ст. 1149 ГК РФ актуальными и готовыми к реализации.

Несмотря на то, что авторы идеи наследственного фонда говорят о создании стимула для развития благотворительности в РФ, на практике это, скорее всего, не будет реализоваться. Как известно, Российская Федерация на протяжении всего своего существования не расположена к благотворительности и жертвованиям. Так, в общемировом рейтинге благотворительности 2017 г. она поднялась на две строчки вверх, переместившись со 126 места на 124. Всего в рейтинге принимает участие 139 стран⁵. Более того, проводя аналогию с международными общеизвестными фондами, П. В. Крашенинников, на наш взгляд, упустил из внимания тот факт, что эти фонды были созданы при жизни учредителя, целью их создания были благотворительность и помощь людям, а не сохранение активов умершего [2].

Таким образом, наследственный фонд является уникальным для российской правовой действительности институтом, направленным на защиту интересов обеспеченных граждан, желающих сохранить свой бизнес в процветании после их смерти, не обделить наследников, избежав раздела имущества, и сохранить его как целый объект. Наследственный фонд дает возможность поддерживать развитие науки и искусства или осуществлять благотворительность при условии конкретного указания лиц, в адрес которых она осуществляется. Однако его создание возлагает на нотариусов дополнительные обязанности, которые на наш взгляд, не будут осуществляться на должном уровне.

В связи с введением этой формы наследования появляется необходимость регулирования отдельных аспектов правоотношений в области права собственности супругов, управления фондом и надзора за фондом, прав кредиторов наследодателя, особенностей налогообложения доходов и выплат фонда и признания фонда в иностранных государствах, чтобы институт наследственного фонда стал полноценным элементом наследственного права Российской Федерации.

Подводя итог, необходимо отметить, что, учитывая постоянное усложнение объектов гражданского оборота, в целях повышения экономической эффективности работы коммерческих организаций, защиты интересов собственников данных организаций законодательством устанавливается новый субъект наследственных правоотношений – наследственный фонд. Он является некоммерческой организацией, осуществляющей управление активами наследодателя и передачу имущества, имущественных прав либо части прибыли выгодоприобретателям фонда, определяемым наследодателем с помощью своего завещания. С введением данного института перечень полномочий нотариуса в рамках наследования имущества существенно расширяется. Так, нотариус наделяется полномочиями по удостоверению завещания, предусматривающего создание наследственного фонда, правовой оценке учредительных документов фонда, подаче документов для его регистрации, а также последующей выдаче свидетельства о праве на наследование имущества наследственным фондом. В полномочия нотариусов может входить хранение документации. Так, в случае прямого указания в уставе фонда нотариус принимает на хранение уставные документы, отчеты о деятельности, судебные акты по спорам с участием организации, протоколы собраний органов управления. Действия нотариуса также ограничиваются во времени: закон обязывает его подать документы

⁴ СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

⁵ Официальный сайт Фонда поддержки и развития филантропии «КАФ». URL: http://www.cafrussia.ru/page/mirovoi_reiting_blagotvoritelnosti_1 (дата обращения 10.05.2018).

на регистрацию фонда не позднее трех дней с момента открытия наследства, а полное оформление наследственных прав фонда должно закончиться не позднее 6 месяцев после открытия наследства. Таким образом, защищая наследственные права физических лиц, нотариус при этом удовлетворяет рыночные и экономические интересы общества в целом. Введение данного института позволит значительно сократить процесс правопреемства, а значит, передать бизнес наследникам в ликвидном состоянии. Кроме того, наследственные фонды позволят сохранять и развивать активы наследодателя после его смерти, а также обеспечивать финансовую поддержку определенных лиц. И наконец, с помощью наследственных фондов может решаться проблема так называемого «лежачего наследства», при которой в течение шести месяцев (срок для принятия наследства) возможны необратимые последствия. Однако при всех очевидных достоинствах данное нововведение требует дальнейшего совершенствования.

С учетом изложенных коллизий и предлагаемых решений спорных аспектов следует заключить, что наследственный фонд как правовая конструкция в настоящее время имеет больше недостатков, чем достоинств. Запуск данной правовой конструкции на данном этапе его правового регулирования обнаружит ее неэффективность либо большое количество злоупотреблений со стороны заинтересованных лиц. Необходима детализация и проработка отдельных положений с точки зрения их соответствия цели создания наследственного фонда.

Список литературы / References

1. **Карташов М. А.** Наследственный фонд: новое российское законодательство и иностранный опыт // Современное право. 2017. № 10. С. 83–90.
Kartashov, M. A. Nasledstvennyj fond: novoe rossijskoe zakonodatel'stvo i inostrannyj opyt [Hereditary fund: new Russian legislation and foreign experience]. *Sovremennoe pravo*, 2017, no. 10, p. 83–90. (in Russ.)
2. **Козлова Н. Н.** Наследство до востребования // Российская Газета. Интернет-версия. URL: <https://rg.ru/2017/07/31/krashenninnikov-nasledstvennyj-fond-novyj-sposob-upravleniia-imushchestvom.html>
Kozlova, N. N. Nasledstvo do vostrebovaniya [In-demand inheritance]. *Rossijskaya Gazeta*. URL: <https://rg.ru/2017/07/31/krashenninnikov-nasledstvennyj-fond-novyj-sposob-upravleniia-imushchestvom.html> (in Russ.)
3. **Гущин В. В., Добровинская А. В.** Наследственный фонд как способ управления наследственным имуществом // Наследственное право. 2018. № 1. С. 22–25.
Gushchin, V. V., Dobrovinskaya, A. V. Nasledstvennyj fond kak sposob upravleniya nasledstvennym imushchestvom [Hereditary fund as a method of managing inheritance property]. *Nasledstvennoe pravo*, 2018, no. 1, p. 22–25. (in Russ.)
4. **Белов В. А.** Проблемы наследования бизнеса // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 7. С. 130–144.
Belov, V. A. Problemy nasledovaniya biznesa [Problems of business inheritance]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federatsii*, 2015, no. 7, p. 130–144. (in Russ.)
5. **Блинков О. Е.** Российский наследственный закон: что день грядущий нам готовит? // Наследственное право. 2016. № 1. С. 3–5.
Blinkov, O. E. Rossijskij nasledstvennyj zakon: chto den' gryadushchij nam gotovit? [Russian hereditary law: what does the future have in store for us?]. *Nasledstvennoe pravo*, 2016, no. 1, p. 3–5. (in Russ.)
6. **Маркина Т. В.** Гражданская правосубъектность наследственного фонда: основные положения // Наследственное право. 2017. № 4. С. 12–14.
Markina, T. V. Grazhdanskaya pravosub'ektnost' nasledstvennogo fonda: osnovnye polozheniya [Civil legal personality of the hereditary fund: basic provisions]. *Nasledstvennoe pravo*, 2017, no. 4, p. 12–14. (in Russ.)

7. **Щенникова Л. В.** Наследственный фонд как новелла российского гражданского права // Наследственное право. 2017. № 4. С. 3–7.

Shennikova, L. V. Nasledstvennyj fond kak novella rossijskogo grazhdanskogo prava [Hereditary Fund as a novel of Russian civil law]. *Nasledstvennoe pravo*, 2017, no. 4, p. 3–7. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received
24.01.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Горина Наталия Валерьевна, кандидат юридических наук, ст. преподаватель, Тюменский государственный университет (ул. Ленина, 38, г. Тюмень, 625003, Россия)

Natalia V. Gorina, Candidate of Juridical Sciences, Senior Lecturer, Tyumen State University (38 Lenin Str., Tyumen, 625000, Russian Federation)

natalia@meenga.ru

К вопросу о техническом регулировании предпринимательской деятельности

Н. В. Рубцова

*Новосибирский государственный университет экономики и управления
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассматривается техническое регулирование как направление нормативного регулирования предпринимательской деятельности, в котором сочетаются юридические и технические нормы. Такое регулирование призвано обеспечить безопасность продукции субъектов предпринимательства. Проведенный анализ целей технических регламентов и стандартов позволяет сделать вывод об их разнонаправленности: если цели установления технических регламентов связаны с непосредственным обеспечением безопасности продукции, то цели стандартизации направлены на повышение качества продукции и отвечают задачам модернизации экономики. При этом термин «качество» связан не только с техническим, но и с антимонопольным правовым регулированием через так называемую техническую конкурентоспособность, которая является составной частью общей конкурентоспособности субъектов предпринимательской деятельности.

Ключевые слова

техническое регулирование, предпринимательская деятельность, качество продукции, конкуренция, модернизация экономики

Для цитирования

Рубцова Н. В. К вопросу о техническом регулировании предпринимательской деятельности // Юридическая наука и практика. 2019. Т. 15, № 1. С. 15–19. DOI 10.25205/2542-0410-2019-15-1-15-19

To the Question on Technical Regulation Entrepreneurial Activity

N. V. Rubtsova

*Novosibirsk State University of Economics and Management
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article deals with technical regulation as a direction of normative regulation of entrepreneurial activity, which combines legal and technical norms. This regulation is designed to ensure the safety of products of business entities. The analysis of the purposes of technical regulations and standards allows draw a conclusion about their multidirection: if the purposes of establishment of technical regulations are connected with direct ensuring safety of production, the purposes of standardization are directed on improvement of quality of production and answer to problems of modernization of economy. At the same time, the term “quality” is associated not only with technical, but also with Antimonopoly legal regulation through the so-called technical competitiveness, which is an integral part of the overall competitiveness of business entities.

Keywords

technical regulation, entrepreneurial activity, product quality, competition, economic modernization

For citation

Rubtsova, N. V. To the Question on Technical Regulation of the Entrepreneurial Activity. *Juridical Science and Practice*, 2019, vol. 15, no. 1, p. 15–19. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2019-15-1-15-19

Техническое регулирование является важным направлением нормативного регулирования предпринимательской деятельности и призвано, в первую очередь, обеспечить безопасность продукции, которую выпускают субъекты предпринимательской деятельности [1. С. 61].

Как известно, отношения в области технического регулирования сложились в нашей стране еще в советский период и чаще именовались отношениями в области обеспечения качества продукции. Как отмечает Л. И. Брославский, качество продукции – категория политическая, экономическая, техническая, нравственная, правовая [2. С. 3]. В настоящее время термин «техническое регулирование» включает в себя требования не только к качеству, но, в первую очередь, к безопасности продукции.

Техническое регулирование является сложным по своей правовой природе, поскольку в нем сочетаются юридические и технические нормы. Само название «техническое регулирование» берет свое начало из определения понятия «техничко-юридические нормы» [3. С. 5]. Как подчеркивает В. С. Белых, по поводу объектов стандартизации возникают два вида отношений: общественные (социальные) и естественные. Общественные отношения (связи) регламентируются системой социальных норм, разновидностью которых являются юридические нормы (предписания). Технические нормы обычно регулируют естественные отношения, возникающие между людьми и объектами (предметами) природы по типу «субъект – объект» [4. С. 5].

На современном этапе правоотношения в области технического регулирования осуществляются на основании Федерального закона от 27.12.2002 № 184-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О техническом регулировании»¹ (далее – Закон о техническом регулировании). Согласно ст. 2 данного Закона техническое регулирование определяется именно как правовое регулирование отношений в области установления, применения и исполнения обязательных требований к продукции или к продукции и связанным с требованиями к продукции процессам проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, а также в области применения на добровольной основе требований к продукции, процессам проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, выполнению работ или оказанию услуг и правовое регулирование отношений в области оценки соответствия. Обязательные требования выражены в технических регламентах, наряду с которыми действуют и стандарты, урегулированные также специальным Федеральным законом от 29.06.2015 № 162-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О стандартизации в Российской Федерации»² (далее – Закон о стандартизации). При этом стандарты основываются на принципе добровольности применения документов по стандартизации (ст. 4 Закона о стандартизации). Таким образом, в законодательстве разграничены сферы обязательного и добровольного регулирования.

Техническое регулирование – одна из важнейших форм государственного регулирования предпринимательской деятельности, поэтому значимым представляется определение на уровне законодательства целей такого регулирования. Вместе с тем цели технического регулирования многозначны. Так, цели принятия технических регламентов ориентированы, прежде всего, на обеспечение безопасности (ст. 6 Закона о техническом регулировании): это защита жизни или здоровья граждан, имущества физических или юридических лиц, государственного или муниципального имущества; охрана окружающей среды, жизни или здоровья животных и растений; предупреждение действий, вводящих в заблуждение приобретателей; обеспечение энергетической эффективности и ресурсосбережения. Цели стандартизации, в свою очередь, связаны с модернизацией экономики и направлены на развитие предпринимательской деятельности: это содействие социально-экономическому развитию Российской Федерации; содействие интеграции Российской Федерации в мировую экономику и международные системы стандартизации в качестве равноправного партнера; улучшение качества жизни населения страны; обеспечение обороны страны и безопасности государства; техническое перевооружение промышленности; повышение качества продукции, выполнения работ, ока-

¹ СЗ РФ. 2002. № 52 (ч. 1). Ст. 5140.

² СЗ РФ. 2015. № 27. Ст. 3953.

зания услуг и повышение конкурентоспособности продукции российского производства (ст. 3 Закона о стандартизации).

Исходя из такого распределения целей можно сделать вывод, что достижение целей установления технических регламентов осуществляется в обязательном порядке, тогда как реализация целей стандартизации возможна путем добровольного их применения, что указано в числе основных принципов стандартизации (ст. 4 Закона о стандартизации). Но такое соотношение стало возможным только на основании Федерального закона от 05.04.2016 № 104-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам стандартизации»³, который устранил возникшие после принятия первой редакции Закона о техническом регулировании коллизии в отношении целей установления технических регламентов и стандартов, поскольку изначально цели стандартизации не могли быть обеспечены добровольностью их применения, в частности, в сфере экологической безопасности. Такие противоречия вызвали обоснованную критику в отношении добровольного использования стандартов [5. С. 146].

Соответственно с разграничением целей технических регламентов и стандартов изменилось соотношение таких свойств продукции и процессов производства, как безопасность и качество. Если безопасность стала основным свойством технических регламентов, то качество продукции связано, в первую очередь, с соблюдением стандартов. В то же время традиционно качество включает в себя соблюдение требований и к безопасности продукции, что делает разграничение данных понятий весьма условным.

Термин «качество» по отношению к продукции используется во многих документах. Так, качество определяется как совокупность свойств продукции, обуславливающих ее пригодность удовлетворять определенные потребности в соответствии с ее назначением⁴. Также качество продукции и услуг организации характеризуется способностью удовлетворять потребителей и преднамеренным или непреднамеренным влиянием на соответствующие заинтересованные стороны⁵. Развернутое определение качества продукции предлагает А. С. Панова: под качеством продукции понимается совокупность ее существенных свойств, характеризующих ее общественную потребительную стоимость, свойства, как правило, закрепляются в стандартах, иных нормативно-технических документах, условиях договоров [6. С. 23].

В свою очередь, термин «безопасность» связан с отсутствием риска причинения вреда, связанного с использованием продукции, работ или услуг. Согласно ст. 2 Федерального закона о техническом регулировании безопасность продукции и связанных с ней процессов производства, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации – состояние, при котором отсутствует недопустимый риск, связанный с причинением вреда жизни или здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу, окружающей среде, жизни или здоровью животных и растений.

Использование стандартов организаций дает возможность субъектам предпринимательской деятельности самостоятельно устанавливать требования к качеству продукции, в связи с чем возникает вопрос: а будут ли эти требования выше или ниже требований национальных и международных стандартов?

В отличие от советского периода, когда использовалась развитая система управления качеством продукции, под которым понимался постоянный планомерный процесс воздействия на всех уровнях на технологические, производственные и другие факторы производства [6. С. 20], и условием такого управления служили обязательные требования к качеству продукции, стремление, а в последующем и вступление России во Всемирную торговую организа-

³ СЗ РФ. 2016. № 15. Ст. 2066.

⁴ ГОСТ 15467-79. Управление качеством продукции. Основные понятия. Термины и определения (с изменением № 1). URL: <http://docs.cntd.ru/document/gost-15467-79> (дата обращения 10.11.2018).

⁵ ГОСТ Р ISO 9000-2015 «Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь», утв. Приказом Росстандарта от 28.09.2015 № 1390-ст «Об утверждении национального стандарта». URL: <http://docs.cntd.ru/document/420307048/>.

цию, потребовало качественных изменений и в области технического регулирования, в частности разработку системы добровольного применения стандартов. Именно поэтому сегодня в техническом регулировании, как и в других разновидностях правового регулирования предпринимательской деятельности, сочетаются публично-правовые и частноправовые начала. При этом следует согласиться с мнением А. С. Пановой о преобладании в этой области именно публично-правовых начал [3. С. 14], поскольку техническое регулирование призвано обеспечивать именно публичные интересы, что выражается в основных целях технического регулирования. По сути, даже цели установления стандартов, основанных на добровольности их применения, связаны с реализацией публичных, общих интересов. Согласно п. 1 ст. 3 Закона о стандартизации целями стандартизации являются содействие социально-экономическому развитию Российской Федерации; содействие интеграции Российской Федерации в мировую экономику и международные системы стандартизации в качестве равноправного партнера; улучшение качества жизни населения страны; обеспечение обороны страны и безопасности государства; техническое перевооружение промышленности; повышение качества продукции, выполнения работ, оказания услуг и повышение конкурентоспособности продукции российского производства.

Наметившаяся тенденция к расширению дозволительных начал, реализующихся в правилах добровольности применения стандартов, не меняет радикально соотношение публично-правовых и частноправовых элементов в области технического регулирования, что связано с особенностями применения технических правил и стандартов.

Поскольку техническое регулирование напрямую связано с государственным вмешательством в сферу предпринимательской деятельности, необходимо установить пределы такого вмешательства. Государственные органы устанавливают технические регламенты и осуществляют контроль за их соблюдением. При этом один из принципов технического регулирования основывается на недопустимости одновременного возложения одних и тех же полномочий на два и более органа государственного контроля (надзора) за соблюдением требований технических регламентов.

Следует отметить, что термин «качество» продукции в настоящее время применяется не только по отношению к техническому регулированию, но, в первую очередь, связан с развитием конкуренции, поскольку в условиях современного функционирования рыночной экономики конкурентоспособность во многом зависит и от качества продукции, выпускаемой предпринимателями. Это так называемая техническая конкурентоспособность, которая является составной частью общей конкурентоспособности субъектов предпринимательской деятельности. В условиях развитой рыночной экономики использование технической конкурентоспособности является определяющим фактором для повышения качества продукции. В целях увеличения технической конкурентоспособности Законом о стандартизации предусмотрена задача гармонизации национальных стандартов с международными стандартами и региональными стандартами. Также возможно применение стимулирующих мер в отношении производителей качественной продукции. В частности, постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 № 328 (ред. от 30.03.2018) утверждена государственная программа Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности»⁶, в которой предусмотрено, развитие отдельных отраслей промышленности, содействие в реализации инвестиционных проектов, а также развитие системы технического регулирования.

Таким образом, техническое регулирование относится к основным направлениям нормативного регулирования предпринимательской деятельности, которое направлено, в первую очередь, на защиту публичных интересов, выражающихся в обеспечении повышения безопасности и качества продукции.

⁶ СЗ РФ. 2014. № 18 (часть IV). Ст. 2173.

Список литературы / References

1. Государственное регулирование экономической деятельности в условиях членства России во ВТО, ЕЭС и Таможенном союзе: Монография / Отв. ред. И. В. Ершова. М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2014. 288 с.
Gosudarstvennoe regulirovanie ekonomicheskoy deyatel'nosti v usloviyakh chlenstva Rossii vo VTO, EEHS i Tamozhennom soyuze [State regulation of economic activity in the conditions of Russia's membership in the WTO, the EEC and the Customs Union]. Monografiya. Ed. by I. V. Ershova. Moscow, Norma: NITS INFRA-M, 2014, 288 p. (in Russ.)
2. **Брославский Л. И.** Правовые основы стандартизации и качества. М.: Издательство стандартов, 1991. 112 с.
Broslovskij, L. I. Pravovye osnovy standartizatsii i kachestva [Legal basis of standardization and quality]. Moscow, Izdatel'stvo standartov, 1991, 112 p. (in Russ.)
3. **Белых В. С., Кванина В. В., Лукьянова В. С., Панова А. С.** Техническое регулирование экономики и предпринимательской деятельности: Монография / Под ред. В. С. Белых. М.: Проспект, 2016. 260 с.
Belykh, V. S., Kvanina, V. V., Lukyanova, V. S., Panova, A. S. Tekhnicheskoe regulirovanie ehkonomiki i predprinimatel'skoj deyatel'nosti [Technical regulation of the economy and business]. Monografiya. Ed. by V. S. Belykh. Moscow, Prospekt Publ., 2016, 260 p. (in Russ.)
4. **Белых В. С.** Гражданско-правовое обеспечение качества продукции, работ и услуг: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1994. 34 с.
Belykh, V. S. Grazhdansko-pravovoe obespechenie kachestva produktsii, rabot i uslug [Civil law ensuring the quality of products, works and services]. Abstract of dis. ... doct. jurid. science. Ekaterinburg, 1994, 34 p. (in Russ.)
5. **Брославский Л. И.** Экология и охрана окружающей среды: законы и реалии США и России: Монография. М.: ИНФРА-М, 2018. 317 с.
Broslovskij, L. I. Ecology and Environment Protection: Laws and Practices USA and Russia. Monograph. Moscow, INFRA-M Publ., 2018, 317 p. (in Russ.)
6. **Панова А. С.** О техническом регулировании и управлении качеством продукции // Предпринимательское право. 2011. № 3. С. 20–27.
Panova, A. S. O tekhnicheskom regulirovanii i upravlenii kachestvom produktsii [On technical regulation and product quality management]. *Predprinimatel'skoe pravo*, 2011, no. 3, p. 20–27. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
24.01.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Рубцова Наталья Васильевна, кандидат юридических наук, доцент, заместитель декана юридического факультета, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права, Новосибирский государственный университет экономики и управления (ул. Каменская, 56, Новосибирск, 630099, Россия)

Natalia V. Rubtsova, Candidate of Juridical Sciences, Docent, Deputy Dean of Faculty of Law, Docent of Department of Civil and Entrepreneurial Law, Novosibirsk State University of Economics and Management (56 Kamenskaya Str., Novosibirsk, 630099, Russian Federation)

rubtsova@yandex.ru

Место договора финансовой аренды (лизинга) в системе гражданско-правовых договоров

Н. Ю. Чернусь^{1,2}, Е. П. Войтович³

¹ *Институт философии и права СО РАН*

² *Новосибирский государственный университет*

³ *Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Анализируется законодательство о финансовой аренде (лизинге), выявляется правовая природа договора, определяется его место в системе гражданско-правовых договоров. Действительная воля сторон договора финансовой аренды направлена на приобретение имущества за счет заемных денежных средств, возврат которых кредитор получает в виде арендных платежей, рассчитанных таким же образом, каким происходит расчет платежей за пользование кредитом. Анализ правовой природы отношений участников договора финансовой аренды позволяет отнести данный договор к договорам о предоставлении кредита. Аргументируется необходимость совершенствования законодательства о финансовой аренде, в рамках которого отношения, складывающиеся в связи с заключением договора финансовой аренды, требуют специального правового регулирования, учитывающего двойственную природу договора.

Ключевые слова

договор финансовой аренды (лизинга), инвестиционные правоотношения, кредитные правоотношения, принцип добросовестности в договорных отношениях, принцип свободы договора

Для цитирования

Чернусь Н. Ю., Войтович Е. П. Место договора финансовой аренды (лизинга) в системе гражданско-правовых договоров // Юридическая наука и практика. 2019. Т. 15, № 1. С. 20–25. DOI 10.25205/2542-0410-2019-15-1-20-25

Place of Financial Rent (Leasing) Agreement in the System of Civil Legal Agreements

N. Yu. Chernus^{1,2}, E. P. Voytovich³

¹ *Institute of Philosophy and Law SB RAS*

² *Novosibirsk State University*

³ *Siberian Institute of Management – A Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article analyzes the legislation on financial rent (leasing), reveals the legal nature of the contract, determines its place in the system of civil law contracts. The real will of the parties to a financial lease agreement is directed to the acquisition of property at the expense of borrowed funds, the return of which the lender receives in the form of rental payments calculated in the same way as the calculation of payments for the use of credit. The analysis of the legal nature of parties' relations to a financial lease agreement makes it possible to attribute this agreement to loan agreements. It argues the need to improve the legislation on financial leases, in which relations that develop in connection with the conclusion of a financial lease agreement, require special legal regulation that takes into account the dual nature of the contract.

Keywords

the contract of financial rent (leasing), investment relations, credit relations, the principle of good faith in contractual relations, the principle of freedom of contract

For citation

Chernus, N. Yu., Voytovich, E. P. Place of Financial Rent (Leasing) Agreement in the System of Civil Legal Agreements. *Juridical Science and Practice*, 2019, vol. 15, no. 1, p. 20–25. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2019-15-1-20-25

Договор аренды является одним из старейших институтов обязательственного права, относится к числу классических договоров гражданского права и в практике современного гражданского оборота является одним из наиболее востребованных договоров. Невозможно представить существование рыночной экономики без договора аренды, поскольку аренда оформляет отношения товарообмена, которые составляют основу гражданского оборота. Как в свое время отмечал профессор О. С. Иоффе, общество, в котором существует товарное производство, не может обходиться без актов обмена товарами [1. С. 245]. В условиях развития рыночных отношений в России востребованность участниками хозяйственного оборота договора аренды только растет. Из всех видов аренды можно выделить, ввиду особенностей правового регулирования, договор финансовой аренды. Анализ правовой природы отношений участников договора финансовой аренды позволяет высказать сомнение в определении законодателем места этого договора среди договоров аренды. При установлении содержания прав и обязанностей продавца и арендодателя в договорах купли-продажи и финансовой аренде через призму закрепленных гражданским законодательством принципов добросовестности и свободы договора, которые по-разному реализуются во всех обязательственных правоотношениях, можно усомниться в том, что главной целью договора финансовой аренды является передача имущества в пользование. Появление в законодательстве принципа добросовестности обуславливает необходимость в качественно иной оценке имущественных отношений, складывающихся в разных сферах правового регулирования.

С переходом России к рыночному укладу экономики в законодательстве появились не свойственные ему прежде принципы правового регулирования хозяйственных отношений, среди которых: равенство и многообразие форм собственности, свободный выбор видов и форм экономической деятельности, саморегулирование хозяйственной деятельности, принцип договорных отношений и др. Формирование свободного рынка обусловило эволюцию договорного права, развитие гражданско-правовых механизмов вовлечения в оборот имущества, что закономерно повлекло рост использования конкретных правовых конструкций в процессе экономической деятельности участниками гражданских правоотношений. Необходимость привлечения инвестиций для многих организаций обуславливает использование не только существующих, но и новых форм договорного регулирования инвестиционных отношений. Вследствие кардинального реформирования законодательства в сфере регулирования экономической деятельности участники гражданского оборота имеют возможность выбрать договорную форму, позволяющую на законном основании привлечь заемные средства или иное имущество с целью развития производства и успешного осуществления экономической, в том числе предпринимательской, деятельности. Одним из способов финансирования бизнеса, обеспечивающих приобретение новых средств производства, является лизинг. Наряду с банковским кредитованием лизинг представляет собой комплекс имущественных отношений, складывающихся в связи с передачей имущества во временное пользование посредством вложения средств за определенную плату с условием возврата в основной капитал, что позволяет отнести лизинг к одной из форм инвестирования или кредитования [2. С. 30; 3. С. 142].

Более того, заключение договора финансовой аренды как альтернативы кредитного договора, имеет ряд преимуществ, к которым можно, прежде всего, отнести возможность возврата в короткие сроки стоимости основных средств; внесение арендной платы из дохода арендатора, полученного от эксплуатации оборудования; отсутствие обеспечительных мер (залога или поручительства), обычно используемых при банковском кредитовании.

На инвестиционную природу лизинга указывает также содержание преамбулы Федерального закона от 29.10.1998 № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)»¹, согласно которой целями закона являются развитие форм инвестиций в средства производства на основе финансовой аренды (лизинга), защита прав собственности, прав участников инвестиционного процесса, обеспечение эффективности инвестирования. Иными словами, лизинг, с позиции специального законодательства относится к договорам, направленным на привлечение денежных средств, инвестиций для развития предпринимательства, главным образом крупного и среднего бизнеса.

Инвестиционная природа лизинга отмечается также в судебной практике. Так, Высшим Арбитражным Судом РФ сформулирована правовая позиция, согласно которой суд обязан исходить из того, что в договоре выкупного лизинга имущественный интерес лизингодателя заключается в размещении и последующем возврате с прибылью денежных средств, а имущественный интерес лизингополучателя заключается в приобретении предмета лизинга в собственность за счет средств, предоставленных лизингодателем и при его содействии. При этом лизинговые платежи являются возмещением инвестиционных затрат лизингодателя и обязательны к уплате независимо от получения предмета лизинга во владение лизингополучателя². Аналогичные цели преследуют стороны кредитных договоров. Приведенная судом правовая позиция обусловлена необходимостью защиты прав кредиторов в договоре финансовой аренды, при котором применение положений о договоре аренды противоречило бы принципам добросовестности и обеспечения баланса интересов участников правоотношений. Так, по условиям договора лизинга лизингодатель обязуется приобрести в собственность указанное лизингополучателем имущество (оборудование) у определенного лизингополучателем поставщика и предоставить названное имущество в лизинг лизингополучателю на условиях, предусмотренных договором, а лизингополучатель обязуется принять данное имущество в лизинг и уплачивать лизингодателю за пользование имуществом лизинговые платежи в порядке и сроки, определенные договором. Например, если лизингополучатель перечислил лизингодателю авансовый платеж по договору лизинга, то во исполнение договора лизинга между лизингодателем-покупателем, продавцом и лизингополучателем заключается договор поставки, по условиям которого продавец обязуется продать, а покупатель – приобрести в соответствии с выбором лизингополучателя имущество согласно спецификации. Во исполнение условий договора поставки покупатель перечисляет продавцу аванс, но обязательство по передаче товара в срок, согласованный договором поставки, продавцом не исполняется. При указанных обстоятельствах потерпевшими в результате неисполнения договора продавцом являются обе стороны договора лизинга – лизингодатель, который перечислил денежные средства с целью приобретения предмета лизинга продавцу, и лизингополучатель, который также перечислил авансовый платеж лизингодателю и на основании договора имеет право истребовать имущество у продавца, а в случае, когда имущество, являющееся предметом договора финансовой аренды, не передано арендатору в указанный в этом договоре срок, арендатор вправе, если просрочка допущена по обстоятельствам, за которые отвечает арендодатель, потребовать расторжения договора и возмещения убытков (п. 2 ст. 668 ГК РФ). Если же передача предмета лизинга не состоялась по обстоятельствам, за которые лизингодатель не отвечает, то при прекращении договора финансовой аренды вследствие нарушения поставщиком условий договора поставки и при наличии соответствующего договорного условия лизингодатель вправе удерживать денежные средства, полученные по договору лизинга от лизингополучателя, в той части, в какой это не нарушает правила ст. 15 ГК РФ о пределах возмещения убытков и ст. 1102 ГК РФ о недопустимости неосновательного обогащения. Ошибочной является квалификация в описанных условиях сложившихся между сторонами правоотношения при заключении ими договора финансовой

¹ СЗ РФ. 1998. № 44. Ст. 5394.

² См.: Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 15 июля 2014 г. № 4664/13 // СПС «Консультант плюс» (дата обращения 20.03.2018).

аренды, лизинговых платежей как платы за право пользования предметом лизинга. Иными словами, для разрешения возникшего между сторонами спора, применение общих положений о договоре аренды неправомерно, поскольку обе стороны договора – лизингодатель и лизингополучатель – являются потерпевшими от действий продавца лицами.

В соответствии с разъяснениями, изложенными в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14.03.2014 № 17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга»³, в договоре выкупного лизинга имущественный интерес лизингодателя заключается в размещении и последующем возврате с прибылью денежных средств, а имущественный интерес лизингополучателя – в приобретении предмета лизинга в собственность за счет средств, предоставленных лизингодателем, и при его содействии. Приобретение лизингодателем права собственности на предмет лизинга служит для него обеспечением обязательств лизингополучателя по уплате установленных договором платежей, а также гарантией возврата вложенного. Иными словами, лизинговые платежи являются возмещением инвестиционных затрат лизингодателя и обязательны к уплате независимо от получения предмета лизинга во владение.

Итак, с юридической точки зрения лизинг – это финансовая аренда, в силу которой одна сторона – арендодатель – обязуется приобрести в собственность указанное другой стороной – арендатором – имущество и предоставить арендатору это имущество за плату во временное владение и пользование, как правило, для предпринимательских целей. В действительности перед нами лишь внешнее сходство с арендой. Содержанием договора лизинга является кредитная операция, при которой лизингодатель посредством заемных или собственных финансовых средств оказывает лизингополучателю финансовую услугу в приобретении имущества в собственность и за счет периодических лизинговых платежей, позволяющих по прекращении договора возместить стоимость имущества, а также получить лизингодателю доход в виде периодических платежей за использование лизингополучателем приобретенного имущества до перехода его в собственность лизингополучателя. Таким образом, с экономической точки зрения лизинг представляет собой кредитное отношение, а именно товарный кредит в основные фонды. Отличием лизинга от товарного кредита является момент приобретения лизингополучателем имущества в собственность. Если при товарном кредите должник получает товар в собственность с момента его передачи, то по договору финансовой аренды, лизингополучатель приобретает право собственности на имущество лишь после его выкупа. Кроме того, суммы выплат основного долга по кредитному договору напрямую не относятся на себестоимость производимой продукции и выплачиваются из собственных средств организации. В свою очередь, платеж по договору лизинга в полном объеме относится на себестоимость производимой продукции, уменьшая налогооблагаемую базу по налогу на прибыль, предоставляя налоговые льготы, способствующие развитию лизингового рынка услуг. Тем не менее, указанные различия обусловлены правовым регулированием отношений, возникающих при товарном кредите и финансовой аренде. По сути же, отношения, складывающиеся при лизинге, относятся к кредитным. Лизингодатель передает лизингополучателю имущество на определенный договором срок и за определенную плату, что по существу отвечает признакам кредитного договора: срочности, платности и возвратности. Сравнивая кредитные и лизинговые отношения, следует отметить, что договором финансовой аренды оформляются отношения по выдаче и расходованию денежных средств, в то время как в кредитном договоре заемщик лишь декларирует некие цели, на которые будут направлены денежные средства. Расходование предоставленных в кредит денежных средств можно контролировать только по факту.

Обращаясь к зарубежному опыту, следует отметить, что правовое регулирование лизинга в разных странах происходило нетождественным образом. Специфика национальных осо-

³ См.: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14.03.2014 № 17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга» // СПС «Консультант плюс» (дата обращения 20.03.2018).

бенностей становления и развития лизинговых отношений, конечно, зависит от правовой системы государства, степени влияния международных норм на внутреннее законодательство, а также от многих других обстоятельств. Так, в ряде стран отсутствует специальное законодательство о лизинге (Венгрия, Нидерланды, Норвегия, Швейцария, Великобритания), в некоторых, напротив, приняты специальные нормативно-правовые акты о лизинге (Франция, Бельгия, Греция, Португалия, Турция) [4]. Во Франции и Швейцарии лизинг назван кредит-арендой, что также указывает на особую природу отношений, возникающих из договора лизинга.

Приведенные аргументы подтверждают двойственную природу договора лизинга, что позволяет отнести договор финансовой аренды к смешанному договору, в котором присутствуют элементы кредитного договора и договора аренды. При этом кредитные отношения являются основными. Действительная воля сторон договора лизинга направлена на приобретение имущества за счет заемных денежных средств, возврат которых кредитор получает в виде арендных платежей, рассчитанных таким же образом, каким происходит расчет платежей за пользование кредитом.

Некоторые исследователи также не соглашались с предложенной законодателем классификацией типов договора аренды, отмечая необходимость исключения из главы 34 ГК РФ договора финансовой аренды (лизинга), что связано с исключительной сложностью и многогранностью договорного отношения, возникающего между сторонами в результате заключения такого договора, а также исторической предопределенностью выделения договора финансовой аренды (лизинга) [5. С. 16].

Действительно, в ситуации неисполнения договора купли-продажи, заключенного с целью приобретения имущества для передачи в лизинг продавцом, судам необходимо устанавливать содержание прав и обязанностей всех участников лизинговой сделки через призму закрепленных гражданским законодательством принципов добросовестности и свободы договора для обеспечения баланса защиты прав добросовестных участников правоотношения лизинга. В связи с этим необходимо закрепить в специальном законодательстве о лизинге особые требования к исполнению обязанностей всех участников лизингового договора и к их ответственности, поскольку договорные отношения в сфере финансовой аренды требуют специального правового регулирования в рамках тех норм и правил, которые складываются в данных отношениях ввиду особой правовой природы таких отношений и имущества, передаваемого во временное пользование. Сказанное вызывает необходимость использования качественно иного подхода к выявлению особенностей реализации принципов добросовестности и свободы договора в финансовой аренде в целях выработки на их основе рекомендаций для правотворческих и правоприменительных органов. Заключение договора финансовой аренды (лизинга) должно одновременно обеспечивать реализацию интереса в получении и предоставлении кредита, а также в пользовании приобретенным за счет этих средств имуществом.

Список литературы / References

1. **Иоффе О. С.** Избранные труды: В 4 т. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. Т. 3: Обязательственное право. 837 с.
Ioffe, O. S. Izbrannyye trudy [Selected Works]. In 4 vols. St. Petersburg, Juridical Center Press, 2004, vol. 3: Obyazatel'stvennoye parvo [Law of Obligations], 837 p. (in Russ.)
2. **Хизириева Д. И.** Преимущества и отличительные черты лизинговой сделки от кредитного договора // Право и экономика. 2009. № 8. С. 30–36.
Khizirieva, D. I. Preimushchestva i otlichitel'nyye cherty lizingovoy sdelki ot kreditnogo dogovora [Advantages and distinctive features of a leasing transaction from a loan agreement]. *Law and Economics*, 2009, no. 8, p. 30–36. (in Russ.)
3. **Абдульмянов И. М.** Правовая природа договора лизинга // Право и политика. 2006. № 6. С. 142–147.

Abdulmyanov, I. M. Pravovaya priroda dogovora lizinga [The legal nature of the lease agreement]. *Law and Politics*, 2006, no. 6, p. 142–147. (in Russ.)

4. **Кацашвили А. А.** Сравнительно-правовая характеристика законодательного регулирования договора лизинга в РФ и зарубежных странах // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. URL: <http://www.jurnal.org/articles/2014/uri54.html> (дата обращения 10.02.2018).

Katsashvili, A. A. Sravnitel'no-pravovaya kharakteristika zakonodatel'nogo regulirovaniya dogovora lizinga v RF i zarubezhnykh stranakh [Comparative legal characteristics of the legislative regulation of the lease agreement in the Russian Federation and foreign countries] [Electronic resource]. *Journal of scientific publications of graduate students and doctoral students*. Access mode: <http://www.jurnal.org/articles/2014/uri54.html/>. (in Russ.)

5. **Щербакова Е. Б.** Правовое регулирование финансовой аренды в Российской Федерации с учетом норм международного права и зарубежного законодательства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 26 с.

Scherbakova, E. B. Pravovoye regulirovaniye finansovoy arendy v Rossiyskoy Federatsii s uchetoм norm mezhdunarodnogo prava i zarubezhnogo zakonodatel'stva [Legal regulation of financial leases in the Russian Federation, taking into account the norms of international law and foreign legislation]. Author. dis. ... Cand. Legal Sciences. Moscow, 2008, 26 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

24.09.2018

Сведения об авторах / Information about the Authors

Чернущ Надежда Юльевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Института философии и права, Новосибирский государственный университет (ул. Пирогова 1, Новосибирск, 630090, Россия); старший научный сотрудник отдела социологических и правовых исследований, Институт философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Nadezhda Yu. Chernus, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of Civil Law Department of the Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation); Senior researcher of the Department of Sociology and Legal Studies, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

preiudicia@yandex.ru

Войтович Елена Павловна, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой гражданского права и процесса, Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС (ул. Нижегородская, 6, Новосибирск, 630102, Россия)

Elena P. Voytovich, Candidate of Juridical Sciences, Docent, Head of the Department of Civil Law and Procedure, Siberian Institute of Management – A Branch of National Economy and Public Administration (6 Nizhegorodskaya Str., Novosibirsk, 630102, Russian Federation)

vojtovich@siu.ranepa.ru

Правовое положение несовершеннолетних родителей: межотраслевое исследование

Т. В. Краснова, О. В. Павленко

*Тюменский государственный университет
Тюмень, Россия*

Аннотация

Представлен анализ комплекса прав и обязанностей несовершеннолетних, возникших у них в связи с рождением ребенка. Предложена авторская позиция по поводу толкования семейного законодательства, определяющего правовое положение несовершеннолетнего родителя. Исследованы возможности реализации родительских функций несовершеннолетними в зависимости от возраста и уровня психической зрелости. Соотнесен объем дееспособности несовершеннолетнего в семейном и гражданском праве, а также в гражданском процессе.

Особое внимание уделено вопросам назначения опекуна ребенку несовершеннолетних родителей, а также особенностям прекращения опеки. Сделан вывод, что возможность самостоятельного осуществления родительских прав по достижении 16 лет несовершеннолетним родителем, не состоящем в браке, должна возникать не автоматически, а по заявлению несовершеннолетнего родителя в орган опеки и попечительства. Рассмотрены возможные споры о детях между несовершеннолетними родителями. По результатам исследования авторы предлагают новую редакцию нормы ст. 62 Семейного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова

несовершеннолетний, родитель, ребенок, возраст, брак, права

Для цитирования

Краснова Т. В., Павленко О. В. Правовое положение несовершеннолетних родителей: межотраслевое исследование // Юридическая наука и практика. 2019. Т. 15, № 1. С. 26–34. DOI 10.25205/2542-0410-2019-15-1-26-34

Legal Position of Minor's Parents: Interdisciplinary Research

T. V. Krasnova, O. V. Pavlenko

*Tyumen State University
Tyumen, Russian Federation*

Abstract

The article presents an analysis of the complex of rights and obligations of minors that have arisen in connection with the birth of a child. The author's position on the interpretation of the family law, which determines the legal status of a minor parent, is proposed. Possibilities of realization of parental functions by minors depending on age and level of mental maturity are investigated. And the amount of legal capacity of a minor in family and civil law, as well as in civil proceedings.

Particular attention is paid to the appointment of a guardian to a child of minor parents, as well as the peculiarities of termination of guardianship. It is concluded that the possibility of independent exercise of parental rights upon reaching the age of 16 by a minor unmarried parent should arise not automatically, but upon the application of the minor parent to the guardianship and custody authority. Possible disputes about children between minor parents are considered. According to the results of the study, the authors propose a new version of the norms of article 62 of the Family code of the Russian Federation.

Keywords

minor, parent, child, age, marriage, rights

For citation

Krasnova, T. V., Pavlenko, O. V. Legal Position of Minor's Parents: Interdisciplinary Research. *Juridical Science and Practice*, 2019, vol. 15, no. 1, p. 26–34. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2019-15-1-26-34

Подростковая беременность традиционно относится к негативным социальным явлениям по ряду медицинских, социально-экономических и культурных показателей. По этим причинам большинство стран мира проводят специальную политику, направленную на снижение рождаемости среди подростков. Однако административные и законодательные меры потенциально не способны исключить возможность рождения ребенка у несовершеннолетнего родителя. Тем серьезнее задача определения правового статуса данной категории граждан, характеризующейся двойственностью их положения: с одной стороны, они сами являются детьми, с другой – исполняют родительские функции.

В ходе опроса правительств Департаментом ООН по экономическим и социальным вопросам в 2015 г. правительство Российской Федерации в качестве профилактической меры подростковой беременности отметило регулирование минимального возраста вступления в брак [1].

В настоящее время брачный возраст регулируется ст. 13 СК РФ и составляет 18 лет. Между тем органы местного самоуправления по месту жительства несовершеннолетних могут положительно решить вопрос о заключении между ними брака, если последним уже исполнилось 16 лет. Беременность и рождение ребенка всегда рассматриваются как уважительные причины в пользу такого решения [2]. Согласие родителей для этого не требуется.

В случае регистрации брака 16-летний приобретает полную гражданскую дееспособность. Представляется, что данное обстоятельство влечет перемены и в его семейно-правовом статусе. Ведь права и обязанности родителей в отношении дееспособного несовершеннолетнего прекращаются (п. 2 ст. 61 и п. 2 ст. 120 СК РФ). В силу ст. 56 СК РФ дееспособный несовершеннолетний имеет право самостоятельно осуществлять свои (а значит, и родительские) права и обязанности, в том числе право на защиту. Нормы гражданского процесса позволяют дееспособному несовершеннолетнему реализовать это право (п. 2 ст. 37 ГПК РФ). Если несовершеннолетним является только один из родителей, то его 16-летие позволяет другому родителю не вступать в противоречие со ст. 134 УК РФ.

Отсюда может быть сделан только один вывод. С точки зрения законодателя, подростки, достигшие 16-летнего возраста и вступившие в брак, обладают достаточным уровнем психической зрелости и правовыми возможностями совершеннолетних родителей. Норма ст. 62 СК РФ, несмотря на ее широкое название – «Права несовершеннолетних родителей», в отношении данной категории несовершеннолетних родителей не распространяется. Двойственность правового положения таких граждан исключена. К похожему выводу приходит О. И. Величкова через интерпретацию понятия «ребенок» [3].

Законами субъектов Российской Федерации могут быть установлены условия и порядок, при наличии которых допускается вступление в брак до достижения 16 лет¹. Ни в одном из субъектов России нет закона, предусматривающего в качестве нижней планки возраст младше 14 лет. В таких законах беременность и рождение ребенка несовершеннолетним родителем фигурируют в качестве уважительных причин для выдачи разрешения на вступление в брак органами местного самоуправления по его месту жительства. Согласие родителей является обязательным условием. Тем самым только процедурой заключения брака отличается семейно-правовое положение несовершеннолетних родителей, вступающих в брак до достижения 16 лет, от тех, которые уже достигли этого возраста. Все иные правовые последствия в равной степени предопределены состоявшейся регистрацией брака. Даже тогда, когда другой родитель является совершеннолетним и формально совершил преступление. Ненасильственный характер половых отношений с несовершеннолетним, по сути, является противоправным деянием по причине психологической незрелости несовершеннолетнего партнера, не достигшего возраста 16 лет. Регистрация брака исключает противоправность указанных отношений, если совершеннолетний впервые совершил такое преступление, и ос-

¹ Например, Закон Тюменской области от 10.01.2000 № 155 (ред. от 27.10.2017) «Об условиях и порядке вступления в брак лиц, не достигших возраста шестнадцати лет» // Вестник Тюменской областной Думы. 2000. № 2.

вобождает последнего от уголовного наказания (примеч. 1 ст. 134 УК РФ). В то время как подача заявления в орган ЗАГС о заключении брака к моменту постановления приговора не играет такой роли, в том числе при регистрации брака после постановления приговора².

Таким образом, системное толкование показывает, что факт регистрации брака наделяет несовершеннолетних родителей в возрасте от 14 до 18 лет полной родительской правосубъектностью. С учетом сказанного, во избежание противоречий при толковании ст. 62 СК РФ видится необходимым включить в анализируемую норму разъяснение о том, что она не применяется к несовершеннолетним родителям, состоящим в зарегистрированном браке, в связи с наличием у них полной семейной, гражданской и гражданской процессуальной дееспособности. Отношения несовершеннолетних родителей, состоящих в зарегистрированном браке, должны подчиняться общим правилам главы 12 СК РФ.

Отсутствие зарегистрированного брака до достижения 18 лет не служит препятствием к вступлению в фактические супружеские отношения и рождению детей. Необходимо учитывать, что для совершеннолетнего лица половое сношение с несовершеннолетним, не достигшим 16 лет, является преступлением, предусмотренным п. 1 ст. 134 УК РФ. Будучи совершенным в отношении лиц, достигших 12 лет, но не достигших 14 лет, оно наказывается строже, и его общественная опасность не ставится в зависимость от последующего факта регистрации брака. В таких случаях может иметь место коллизия: с точки зрения семейного права, рождение ребенка у лица, не достигшего возраста 14 лет, будет оцениваться как уважительная причина для получения разрешения на вступление в брак с 14 лет на основании соответствующего закона субъекта Российской Федерации; с точки зрения уголовного права – как преступление, не имеющее исключających обстоятельств для совершеннолетнего родителя. Если это преступление совершается в отношении лица, не достигшего 12 лет, оно квалифицируется по ст. 131 УК РФ, где возраст потерпевшей стороны рассматривается как ее беспомощное состояние.

Согласно п. 1 ст. 62 СК РФ несовершеннолетние родители, не состоящие в браке, имеют права на совместное проживание с ребенком и участие в его воспитании, могут решать вопросы, связанные с признанием и оспариванием отцовства и материнства. Этими полномочиями ограничивается объем родительской правосубъектности лиц, не достигших 14 лет. С 14-летнего возраста несовершеннолетние родители вправе требовать установления отцовства в судебном порядке. Для решения этой задачи прямое указание п. 3 ст. 62 СК РФ наделяет соответствующую категорию граждан гражданской процессуальной дееспособностью (п. 4 ст. 37 ГПК РФ). Функции по «юридической опеке» [4] и фактическому воспитанию возлагаются на опекуна, который в обязательном порядке назначается детям несовершеннолетних родителей, не достигших 16 лет. В научной литературе существует мнение, что этим опекуном должен назначаться «один из законных представителей несовершеннолетнего родителя. Другое лицо может быть назначено опекуном ребенка несовершеннолетнего родителя при отсутствии законного представителя у родителя ребенка, нежелания попечителя родителя быть опекуном его ребенка или невозможности назначения попечителя опекуном ребенка своего подопечного» [5]. Как отмечает О. И. Величкова, «опекун не вправе препятствовать такому родителю в осуществлении своих прав» [3]. Другие ученые также обращают внимание на то, что несовершеннолетний родитель не должен быть лишен возможности принимать решения по вопросам, связанным с осуществлением и защитой родительских прав [6].

Согласно п. 2 ст. 62 СК РФ родительская дееспособность несовершеннолетних родителей расширяется с достижением ими 16 лет: несовершеннолетнему родителю предоставляется право самостоятельного осуществления родительских прав. По этой причине О. И. Величко-

² Определение Конституционного Суда РФ от 21.10.2008 № 568-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Павлова Ивана Васильевича на нарушение его конституционных прав статьей 134 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс» (документ опубликован не был, дата обращения 28.11.2018).

ва усматривает расхождение между указанной нормой и правилом п. 2 ст. 29 Федерального закона от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве»³, в которой прекращение опеки над детьми несовершеннолетних родителей связано, в частности, с наступлением совершеннолетия. По мнению указанного ученого, опека в данном случае должна автоматически прекращаться в 16 лет, поскольку отпадают основания для ее назначения [3]. На этот счет в теории существуют позиции, основанные на признании за несовершеннолетним родителем права выбора в решении вопроса об опекуновстве над его ребенком. Так, А. И. Кнороз полагает, что для прекращения опеки необходимо волеизъявление несовершеннолетнего родителя, готового самостоятельно осуществлять родительские права [7]. В отсутствие такого волеизъявления отношения опеки пролонгируются. По утверждению Л. М. Звягинцевой, опека, действительно, прекращается в связи с обретением несовершеннолетним родительской дееспособности, но с его согласия опека может быть продолжена [8. С. 137].

Для решения этого вопроса попытаемся определиться с тем, какой объем прав и обязанностей в действительности способен реализовать несовершеннолетний родитель, не состоящий в браке.

Поскольку вступление в брак – это не единственное основание возникновения полной гражданской дееспособности до достижения совершеннолетия, семейно-правовые последствия эмансипации несовершеннолетнего родителя (ст. 27 ГК РФ) также связаны с возникновением у него полной родительской дееспособности. Вот почему п. 2 ст. 29 Федерального закона «Об опеке и попечительстве» содержит положение об автоматическом прекращении опеки над ребенком несовершеннолетнего родителя в случае приобретения им гражданской дееспособности в полном объеме до достижения совершеннолетия. Эмансипированный несовершеннолетний родитель не только имеет права, но и несет обязанности в отношении своих детей. При этом для случаев, в которых опека ребенку эмансипированного родителя не назначалась, специальное правовое регулирование отсутствует. В этой связи полагаем целесообразным указать в ст. 62 СК РФ, что отношения эмансипированных родителей несовершеннолетних родителей, как и несовершеннолетних родителей, состоящих в браке, регулируются общими положениями главы 12 СК РФ.

Другая ситуация складывается в отношении несовершеннолетних родителей, не обладающих полной гражданской дееспособностью. Такой несовершеннолетний в гражданско-правовой сфере подчиняется требованиям ст. 26 и 28 ГК РФ. Возрастная категория лиц от 14 до 18 лет обладает частичной гражданской дееспособностью, т. е. имеет право совершать сделки с письменного согласия своих законных представителей. Их самостоятельность распространяется на распоряжение заработком, стипендией, иными доходами, в пределах которых они также самостоятельно несут имущественную ответственность за причиненный ими вред или по совершенным ими сделкам. Субсидиарно за причиненный вред отвечают законные представители указанных лиц в порядке 1073 и 1074 ГК РФ.

С точки зрения гражданской процессуальной дееспособности положение несовершеннолетних, не обладающих полной гражданской дееспособностью, уязвимо. В основном суды применяют буквальное толкование п. 4 ст. 37 ГПК РФ, ссылаясь на необходимость прямого указания в федеральном законе права несовершеннолетнего на личное обращение в суд за защитой своих нарушенных прав и законных интересов [9]. В иных случаях процессуальная дееспособность у них отсутствует.

Таким образом, родитель возрастной группы 14–18 лет не обладает необходимым для защиты прав своего ребенка объемом гражданской и гражданской процессуальной дееспособности. При анализируемых условиях правовое положение несовершеннолетнего родителя в возрасте от 14 до 16 лет в гражданском праве и в гражданском процессе ничем не отличается от правового положения несовершеннолетнего родителя в возрасте от 16 до 18 лет. По этой причине мы считаем, что решение о самостоятельном осуществлении родительских прав по достижении 16 лет должно приниматься не автоматически, а по инициативе самого

³ СЗ. 2008. № 17. Ст. 1755.

несовершеннолетнего родителя в связи с осознанием им собственной готовности к осуществлению родительских прав. Однако волеизъявление несовершеннолетнего родителя и последующее прекращение опеки над его ребенком не отменяет юридических препятствий к реализации родительских функций, поскольку изменения в объеме его гражданской и гражданской процессуальной дееспособности в связи с приобретением родительской дееспособности согласно действующему законодательству не происходит. Такая правовая ситуация, по нашему мнению, нарушает интересы ребенка несовершеннолетнего родителя.

Применительно к данным случаям (но не ко всем случаям рождения ребенка у несовершеннолетнего) заслуживают внимания предложения ученых о наделении несовершеннолетних родителей полной дееспособностью или о включении рождения ребенка в число обстоятельств, при которых несовершеннолетний может быть эмансипирован [10. С. 125], а также о наделении несовершеннолетних родителей представительской дееспособностью в полном объеме [11]. А. А. Алексеев предлагает универсальную норму для совершенствования процессуального законодательства – о предоставлении лицу полной гражданской процессуальной дееспособности при достижении им полной дееспособности в соответствующей отрасли права [12]. В. Д. Рузанова дополнительно к наделению полной гражданской дееспособностью считает возможным ввести фигуру помощника по аналогии с патронажем [13. С. 102–103]. О. И. Величкова возражает против возложения груза обязанностей на несовершеннолетнего в связи с предоставлением полной дееспособности, но предлагает ввести обязанность органов опеки и попечительства назначать представителей для детей несовершеннолетних родителей, которые не в состоянии осуществлять защиту прав детей самостоятельно [3. С. 126]. Полагаем, что в настоящее время трудности несовершеннолетнего родителя, ставшего полностью дееспособным, могут быть преодолены в рамках социального сопровождения, предусмотренного Федеральным законом от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»⁴. Таким образом, мы предлагаем введение в правовое поле фигуры 16-летнего родителя, который на основании своего волеизъявления по решению органов опеки и попечительства приобретает полную родительскую и гражданскую дееспособность и в связи с этим наделяется гражданской процессуальной дееспособностью. Одновременно органами опеки и попечительства осуществляется контроль за исполнением несовершеннолетним родителем родительских функций и разъясняются возможности социального сопровождения. Думается, что орган опеки и попечительства должен иметь право отказать в принятии решения о предоставлении полной гражданской дееспособности, если придет к заключению о недостаточной психической зрелости несовершеннолетнего. Это предотвратит ситуации, связанные с необходимостью ограничения или лишения родительских прав такого родителя в ближайшем будущем. Представляется, что, исходя из интересов несовершеннолетнего родителя и интересов его ребенка, с участием органов опеки и попечительства может быть заключен договор о распределении полномочий, связанных с воспитанием, между опекуном и несовершеннолетним родителем.

Некоторые ученые выражают опасения в связи с тем, что буквальное толкование ст. 62 СК РФ освобождает несовершеннолетнего родителя, не состоящего в браке, от каких-либо обязанностей. Такое положение вещей не признается учеными справедливым, и в ст. 62 СК РФ предлагается внести изменения. Так, например, А. Е. Казанцева, Е. П. Титаренко считают целесообразным указать, что несовершеннолетние родители до восемнадцати лет обладают всем комплексом родительских прав. В отношении некоторых прав несовершеннолетние должны действовать самостоятельно (право выбора имени ребенка, регистрации рождения ребенка), а в отношении других – с помощью опекуна, который назначается их ребенку. В качестве обязанностей несовершеннолетнего родителя предлагается прописать обязанность воспитывать своего ребенка, заботиться о нем и защищать его права совместно с опекуном [5]. Между тем полагаем, что формулировка ст. 61 СК РФ – «родители имеют равные права и несут равные обязанности в отношении своих детей (родительские права)» – позво-

⁴ СЗ РФ. 2013. 52 (часть I). Ст. 7007.

ляет утверждать, что в конструкции «родительские права» законодателем заложены не только права, но и обязанности. Возможность судебного порядка установления отцовства с 14 лет свидетельствует о допустимости принудительной реализации несовершеннолетним родительской функции. К тому же представляется правильным формировать у несовершеннолетних родителей психологическое отношение ответственности перед своими детьми, в том числе посредством правовых норм. Предлагаем законодательно закрепить обязанности несовершеннолетних родителей зарегистрировать рождение ребенка, дать ему имя, участвовать в его воспитании, заботиться и исполнять иные родительские обязанности в рамках существующего объема гражданской дееспособности. De lege ferenda возможность исполнения родительских обязанностей в возрасте от 14 до 16 лет, как и в возрасте от 16 до 18 лет, в отсутствие обстоятельств, влекущих наступление полной дееспособности, будет «усеченной», но однозначно свидетельствующей о перемене в правовом статусе несовершеннолетнего, ставшего родителем.

Норма ст. 62 СК РФ оставляет без внимания взаимодействие между двумя несовершеннолетними родителями либо родителями, из которых только один является несовершеннолетним. Нельзя исключать споры об определении места жительства ребенка, которые могут сопровождаться необходимостью выбора опекуна (из числа родственников одного или другого несовершеннолетнего родителя). При этом сам по себе факт совершеннолетия одного из родителей не должен являться признаком, определяющим место жительства ребенка с ним. Считаем возможным применение общих подходов к определению места жительства ребенка – либо по соглашению между родителями, достигшими 14 лет, либо по решению суда, исходя из интересов ребенка несовершеннолетних родителей в порядке ст. 65 СК РФ. Фактом определения места жительства ребенка может быть предопределена фигура его опекуна.

Одним из наиболее значимых для ребенка несовершеннолетних может явиться вопрос о содержании. Маловероятно, что несовершеннолетние родители обладают необходимым уровнем доходов для обеспечения минимальных потребностей в сохранении здоровья и развитии малыша. Пособия гражданам, имеющим детей, могут не покрывать необходимых расходов на ребенка. Считаем, что в таких случаях несовершеннолетний родитель и его ребенок вправе прибегнуть к ст. 94 СК РФ о взыскании алиментов с алиментнообязанных лиц второй очереди (бабушек и дедушек, не оказывающих помощь добровольно).

На основании проведенного анализа можно предложить следующую редакцию нормы ст. 62 СК РФ:

«Правовое положение несовершеннолетних родителей»

1. Положения настоящей статьи не применяются к несовершеннолетним родителям, состоящим в зарегистрированном браке, а также к эмансипированным несовершеннолетним родителям в связи с наличием у них полной семейной, гражданской и гражданской процессуальной дееспособности. Правовое положение несовершеннолетних родителей, состоящих в браке, и эмансипированных несовершеннолетних родителей регламентируется общими положениями главы 12 настоящего Кодекса.

2. Несовершеннолетние родители имеют права признавать и оспаривать свое отцовство и материнство на общих основаниях, а также имеют право требовать по достижении ими возраста четырнадцати лет установления отцовства в отношении своих детей в судебном порядке.

3. По общему правилу, ребенку несовершеннолетнего родителя, не состоящего в браке, назначается опекун, который осуществляет его воспитание совместно с несовершеннолетними родителями ребенка. Разногласия, возникающие между опекуном ребенка и несовершеннолетними родителями, разрешаются органом опеки и попечительства.

4. Несовершеннолетний родитель при установлении материнства (отцовства), достигший 16 лет, вправе самостоятельно осуществлять родительские права и обязанности. Соответствующее волеизъявление несовершеннолетнего родителя оформляется путем подачи письменного заявления в органы опеки и попечительства.

По решению органов опеки и попечительства опека над ребенком несовершеннолетнего родителя прекращается. С момента принятия решения органами опеки и попечительства несовершеннолетний родитель приобретает полную семейную и гражданскую дееспособность.

В случае отказа органов опеки и попечительства в прекращении опеки над ребенком несовершеннолетнего родителя между несовершеннолетним родителем и опекуном с участием органов опеки и попечительства может быть заключен договор о распределении полномочий, связанных с воспитанием ребенка несовершеннолетнего родителя.

5. Несовершеннолетний родитель, достигший возраста 14 лет, осуществляет родительские права и исполняет родительские обязанности совместно с опекуном. В рамках своей гражданской дееспособности несовершеннолетний исполняет родительские права и обязанности самостоятельно.

6. В случае приобретения полной гражданской дееспособности несовершеннолетним родителем до достижения совершеннолетия опека над ребенком автоматически прекращается.

7. Споры об определении места жительства ребенка несовершеннолетнего родителя решаются в общем порядке на основании ст. 65 настоящего Кодекса. Факт достижения совершеннолетия одним из родителей не является признаком, автоматически определяющим место жительства ребенка с ним.

8. При недостаточности средств на содержание ребенка у несовершеннолетних родителей споры о содержании ребенка несовершеннолетних родителей решаются в порядке, предусмотренном ст. 94 настоящего Кодекса».

Предложенные изменения потребуют обновления ст. 21 ГК РФ, в которой предлагается указать дополнительное основание возникновения дееспособности гражданина, достигшего 16 лет и по решению органов опеки и попечительства объявленного полностью дееспособным в связи с необходимостью осуществления им родительских прав и обязанностей. Кроме того, потребуются изменения ст. 37 ГПК РФ, предложенные А. А. Алексеевым, о возникновении полной гражданской процессуальной дееспособности в связи с приобретением полной дееспособности в соответствующей отрасли материального права [12].

Мы полагаем, что предложенная редакция ст. 62 СК РФ обеспечит гармоничное сочетание межотраслевых подходов к правовому регулированию рассмотренных отношений, исключит противоречивое толкование и позволит достичь баланса в двойственном правовом положении несовершеннолетнего родителя в зависимости от его возраста и уровня психической зрелости.

Список литературы / References

1. **Сакевич В. И.** Политика в области репродуктивного здоровья в регионах и странах мира // Демоскоп Weekly. 2018. № 777-778. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2018/0777/barom01.php>.
Sakevich, V. I. Politika v oblasti reproduktivnogo zdorov'ya v regionakh i stranakh mira [Reproductive health policies in the regions and countries of the world]. *Demoskop Weekly*, 2018. № 777-778. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2018/0777/barom01.php>. (in Russ.)
2. **Юрченко О. Ю.** Достижение брачного возраста как условие, необходимое для заключения брака // Семейное право на рубеже XX–XXI веков: к 20-летию Конвенции ООН о правах ребенка: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. М.: Статут, 2011. С. 432–435.
Yurchenko, O. Yu. Dostizhenie brachnogo vozrasta kak uslovie, neobkhodimoe dlya zaklyucheniya braka [Reaching the age of marriage as a condition for marriage]. In: *Semeynoe pravo na rubezhe XX–XXI vekov: k 20-letiyu Konventsii OON o pravakh rebenka: Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Moscow, Statut, 2011, p. 432–435. (in Russ.)
3. **Величкова О. И.** О понятии «ребенок» в свете положений Семейного кодекса РФ и Конвенции о правах ребенка // Семейное право на рубеже XX–XXI веков: к 20-летию

- Конвенции ООН о правах ребенка: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. М.: Статут, 2011. С. 149–152.
- Velichkova, O. I.** O ponyatii «rebenok» v svete polozheniy Semeynogo kodeksa RF i Konventsii o pravakh rebenka [On the concept of “child” in the light of the Family code and the Convention on the rights of the child]. In: *Semeynoe pravo na rubezhe XX–XXI vekov: k 20-letiyu Konventsii OON o pravakh rebenka: Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Moscow, Statut, 2011, p. 149–152. (in Russ.)
4. **Звенигородская Н. Ф.** Осуществление родительских прав несовершеннолетними родителями // Вопросы ювенальной юстиции. 2011. № 3 (35). С. 12–16.
Zvenigorodskaya, N.F. Osushchestvlenie roditel'skikh prav nesovershennoletnimi roditelyami [The exercise of parental rights of minor parents]. *Voprosy yuvenal'noy yustitsii*, 2011, no. 3 (35), p. 12–16. (in Russ.)
 5. **Казанцева, А. Е., Титаренко, Е. П.** Права несовершеннолетних родителей // Семейное и жилищное право. 2016. № 4. С. 11–14.
Kazantseva, A. E., Titarenko, E. P. Prava nesovershennoletnikh roditel'ey [Rights of minor parents]. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo*, 2016, no. 4, p. 11–14. (in Russ.)
 6. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации (учебно-практический) / Под общ. ред. С. А. Степанова. М.: Проспект; Екатеринбург: Институт частного права, 2010. 620 с.
Stepanov, S. A. (ed.) Kommentariy k Semeynomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (uchebno-prakticheskiy) [Comment to the Family code of the Russian Federation (educational and practical)]. Moscow, Prospekt; Ekaterinburg, Institut chastnogo prava, 2010, 620 p. (in Russ.)
 7. **Кнороз А. И.** Прекращение опеки над детьми несовершеннолетних родителей // Семейное и жилищное право. 2012. № 4. С. 22–26.
Knoroz, A. I. Prekrashchenie opeki nad det'mi nesovershennoletnikh roditel'ey [Termination of custody of children of minor parents]. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo*, 2012, no. 4, p. 22–26. (in Russ.)
 8. **Звягинцева Л. М.** Права и обязанности родителей // Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации (учебно-практический) / Под общ. ред. С. А. Степанова. М.: Проспект; Екатеринбург: Институт частного права, 2010.
Zvyagintseva, L. M. Prava i obyazannosti roditel'ey [Rights and obligations of parents]. In: *Stepanov, S. A.* (ed.) Kommentariy k Semeynomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (uchebno-prakticheskiy) [Comment to the Family code of the Russian Federation (educational and practical)]. Moscow, Prospekt; Ekaterinburg, Institut chastnogo prava, 2010. (in Russ.)
 9. **Зайков Д. Е.** Институт законного представительства в гражданском и арбитражном процессах: особенности правового регулирования и проблемы судебной практики // Российская юстиция. 2018. № 7. С. 29–32.
Zaykov, D. E. Institut zakonnoego predstavitel'stva v grazhdanskom i arbitrazhnom protsessakh: osobennosti pravovogo regulirovaniya i problemy sudebnoy praktiki [Institute of legal representation in civil and arbitration proceedings: peculiarities of legal regulation and problems of judicial practice]. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2018, no. 7, p. 29–32. (in Russ.)
 10. **Антокольская М. В.** Семейное право: Учебник. М.: Норма, ИНФРА-М, 2013. 205 с.
Antokolskaya, M. V. Semeynoe pravo [Family law]. Textbook. Moscow, Norma, INFRA-M, 2013, 205 p. (in Russ.)
 11. **Воронина С. В.** Представительская правосубъектность родителей: вопросы межотраслевого взаимодействия // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 9. С. 108–111.
Voronina, S. V. Predstavitel'skaya pravosub'ektnost' roditel'ey: voprosy mezhotraslevogo vzaimodeystviya [Representative legal personality of parents: issues of inter-sectoral interaction]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*, 2015, no. 9, p. 108–111. (in Russ.)
 12. **Алексеев А. А.** Проблемы непосредственного участия несовершеннолетних лиц в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. Т. 10. С. 17–21.
Alekseev, A. A. Problemy neposredstvennogo uchastiya nesovershennoletnikh lits v grazhdanskom protsesse [Problems of direct participation of minors in civil proceedings]. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess*, 2017, vol. 10, p. 17–21. (in Russ.)
 13. **Рузанова Е. В.** Вопросы совершенствования правового регулирования осуществления и защиты прав несовершеннолетних // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 4. С. 46–50.

Ruzanova, E. V. Voprosy sovershenstvovaniya pravovogo regulirovaniya osushchestvleniya i zashchity prav nesovershennoletnikh [Issues of improving the legal regulation of the implementation and protection of the rights of minors]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2013, no. 4, p. 46–50. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

14.12.2018

Сведения об авторах / Information about the Authors

Краснова Татьяна Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса, Тюменский государственный университет (ул. Володарского, 6, Тюмень, 625000, Россия)

Tatiana V. Krasnova, Candidate of Juridical Sciences, Docent, Head of Department of Civil Law and Procedure, Tyumen State University (6 Volodarsky Str., Tyumen, 625000, Russian Federation)

t.v.krasnova@utmn.ru

Павленко Оксана Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса, Тюменский государственный университет (ул. Володарского, 6, Тюмень, 625000, Россия)

Oksana V. Pavlenko, Candidate of Juridical Sciences, Docent, Docent of Department of Criminal Law and Procedure, Tyumen State University (6 Volodarsky Str., Tyumen, 625000, Russian Federation)

o.v.pavlenko@utmn.ru

УДК 349.6

DOI 10.25205/2542-0410-2019-15-1-35-40

**Правовой механизм обеспечения экологической безопасности
при разработке и внедрении новых технологий:
постановка вопроса**

В. Г. Мельникова

*Томский государственный университет
Томск, Россия*

Аннотация

В современных условиях приоритетом государственной политики становится инновационное развитие, создание новых технологий и продуктов, позволяющих обеспечивать экономический рост при сохранении благоприятного состояния окружающей среды. В статье на основе анализа стратегических документов Российской Федерации выявляются приоритеты в сферах социально-экономического и экологического развития, обеспечения экологической безопасности. Проводится исследование правового регулирования общественных отношений по созданию и внедрению новых технологий. Сделан вывод о наличии в российском законодательстве отдельных норм, направленных на обеспечение экологической безопасности новых технологий, обосновывается необходимость создания эффективного правового механизма обеспечения экологической безопасности при разработке и внедрении новых технологий.

Ключевые слова

инновационное развитие, экологическая безопасность, новые технологии, наилучшие доступные технологии

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант 18-011-00612

Для цитирования

Мельникова В. Г. Правовой механизм обеспечения экологической безопасности при разработке и внедрении новых технологий: постановка вопроса // Юридическая наука и практика. 2019. Т. 15, № 1. С. 35–40. DOI 10.25205/2542-0410-2019-15-1-35-40

**Legal Mechanism of Ensuring Environmental Safety
in the Development and Implementation of New Technologies:
Statement of the Question**

V. G. Melnikova

*Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation*

Abstract

In modern conditions, the priority of state policy is becoming innovative development, the creation of new technologies and products that allow for economic growth while maintaining a favorable state of the environment. The article based on the analysis of strategic documents of the Russian Federation identifies priorities in the areas of socio-economic and environmental development, ensuring environmental safety. A research of the legal regulation of social relations on the creation and introduction of new technologies is being conducted. The article concludes that there are separate norms in the Russian legislation aimed at ensuring the environmental safety of new technologies, justifies the need to create an effective legal mechanism for ensuring environmental safety when developing and introducing new technologies.

Keywords

innovative development, environmental safety, new technologies, best available technologies

Acknowledgements

The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, grant 18-011-00612

For citation

Melnikova, V. G. Legal Mechanism of Ensuring Environmental Safety in the Development and Implementation of New Technologies: Statement of the Question. *Juridical Science and Practice*, 2019, vol. 15, no. 1, p. 35–40. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2019-15-1-35-40

В современном мире технологическое развитие стало одним из важнейших приоритетов государственной политики, необходимым условием экономического и социального развития. При этом становится все более актуальной задача обеспечения экологической безопасности, в частности безопасности разрабатываемых и внедряемых технологий для окружающей среды, жизни и здоровья человека. Принятая большинством государств в качестве базовой концепция устойчивого развития, предполагает сбалансированное решение проблем социально-экономического развития и сохранения благоприятной окружающей среды и природно-ресурсного потенциала в целях удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений людей.

В Указе Президента РФ от 01.04.1996 № 440 «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию»¹ были определены основные направления деятельности по переходу России к устойчивому развитию, определена роль государства как гаранта сохранности окружающей среды и экологической безопасности, необходимость обеспечения действенности государственного управления и контроля в области охраны природы. На протяжении последующих лет в России постепенно создавались экономические, организационные и правовые условия для технологического переоснащения в соответствии с приоритетами устойчивого развития. Создание условий для экономической заинтересованности субъектов хозяйственной деятельности в снижении антропогенной нагрузки на окружающую среду, использовании экологически безопасных технологий потребовало серьезного пересмотра норм экологического законодательства.

Принимаемые программно-целевые документы позволяют проследить эволюцию приоритетов государственной политики в сфере регулирования хозяйственной деятельности, обеспечивающую реализацию принципов устойчивого развития.

В 2012 г. Президентом РФ утверждены «Основы государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года»² (далее – Основы). Разработка Основ обусловлена необходимостью обеспечения экологической безопасности при модернизации экономики и в процессе инновационного развития (п. 4). Достижение стратегической цели государственной политики в области экологического развития обеспечивается решением основных задач, в числе которых обеспечение экологически ориентированного роста экономики и внедрения экологически эффективных инновационных технологий; развитие экономического регулирования и рыночных инструментов охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности.

При решении задачи обеспечения экологически ориентированного роста экономики и внедрения экологически эффективных инновационных технологий предусматривается использование следующих механизмов: а) формирование эффективной, конкурентоспособной и экологически ориентированной модели развития экономики, обеспечивающей наибольший эффект при сохранении природной среды, ее рациональном использовании и минимизации негативного воздействия на окружающую среду; б) внедрение инновационных ресурсосберегающих, экологически безопасных и эффективных технологий на базе единой технологической платформы с активным участием государства, бизнес-сообщества, организаций науки и образования, общественных объединений и некоммерческих организаций; в) учет абсолютных и удельных показателей эффективности использования природных ресурсов и энергии, негативного воздействия на окружающую среду при государственном регулировании природоохранной деятельности и планировании мероприятий по охране окружающей среды, а также при оценке эффективности экономики в целом и по отраслям.

При решении задачи развития экономического регулирования и рыночных инструментов охраны окружающей среды используются следующие механизмы: а) установление платы

¹ Рос. газета. 1996. 9 апр.

² Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года. Утв. Президентом РФ 30.04.2012 // СПС «Консультант Плюс» (документ официально опубликован не был).

за негативное воздействие на окружающую среду с учетом затрат, связанных с осуществлением природоохранных мероприятий; б) замена практики взимания платы за сверхлимитное загрязнение окружающей среды на практику возмещения вреда, причиненного окружающей среде; в) стимулирование предприятий, осуществляющих программы экологической модернизации производства и экологической реабилитации соответствующих территорий, а также обеспечение широкого применения государственно-частного партнерства при государственном финансировании (софинансировании) мероприятий по оздоровлению экологически неблагополучных территорий, ликвидации экологического ущерба, связанного с прошлой экономической и иной деятельностью; г) формирование рынка экологичной продукции, технологий и оборудования, а также природоохранных услуг; д) осуществление поддержки технологической модернизации, обеспечивающей уменьшение антропогенной нагрузки на окружающую среду, неистощительное использование возобновляемых и рациональное использование невозобновляемых природных ресурсов; е) развитие рыночных инструментов охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности; ж) обеспечение преимущества (при прочих равных условиях) при размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд товарам, работам, услугам, отвечающим установленным экологическим требованиям; з) стимулирование привлечения инвестиций для обеспечения рационального и эффективного использования природных ресурсов, уменьшения негативного воздействия на окружающую среду, производства экологически чистой продукции, внедрения ресурсосберегающих технологий, соответствующих требованиям законодательства Российской Федерации об охране окружающей среды; и) поэтапное внедрение системы декларирования соблюдения экологических требований и проведения экологического аудита; к) повышение экологической и социальной ответственности бизнеса; л) стимулирование деятельности по сбору, сортировке и использованию отходов в качестве вторичного сырья и энергоносителей; м) государственное регулирование ввоза в Российскую Федерацию техники (оборудования) и технологий, не соответствующих экологическим требованиям, в том числе международным.

Необходимо отметить, что используемая терминология достаточно разнообразна – указано несколько разных видов технологий, развитие и внедрение которых планируется обеспечить: инновационные, ресурсосберегающие, экологически безопасные, экологичные технологии, продукция и оборудование. Остается неясным, будут создаваться различные меры по поддержке каждого из перечисленных видов технологий или новые технологии должны соответствовать одновременно нескольким критериям. Кроме того, в приведенных перечнях перечисляются сферы применения новых технологий и отраслевые задачи, которые предполагается решать с помощью новых технологий. Видимо, здесь следует разделять меры стимулирования создания инновационных технологий в общем и меры по стимулированию создания инновационных технологий, обеспечивающих решение задач повышения эффективности или снижения антропогенной нагрузки в конкретных отраслях (например, в ресурсопользовании). В последнем случае, видимо, будет осуществляться узконаправленное стимулирование создания и внедрения инноваций. При этом и для того, и для другого случая важно обеспечить экологическую безопасность инноваций.

Приведенный перечень запланированных мер, очевидно, носит межотраслевой характер, и их реализация потребует существенного изменения государственной политики в сфере регулирования хозяйственной деятельности и охраны окружающей среды. Как справедливо отмечает Р. Х. Гиззатуллин [1], успешная реализация Основ главным образом зависит от наличия соответствующего правового обеспечения, несомненным позитивным шагом следует считать разработку и утверждение Правительством Российской Федерации Плана действий по реализации «Основ государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года»³ (утвержден Распоряжением Правительства РФ от 18.12.2012 № 2423-р). К сожалению, в этом документе меры, направленные на решение

³ СЗ РФ. 2012. № 52. Ст. 7561.

поставленных задач по обеспечению экологически ориентированного роста экономики и внедрения экологически эффективных инновационных технологий представлены довольно фрагментарно. Возможно, это обусловлено сложностью поставленных задач, необходимостью для их решения согласованных действий нескольких органов государственной власти. Вместе с тем очевидно, что решение этих задач невозможно обеспечить только действиями органов государственной власти на уровне субъектов РФ или мероприятиями отраслевого характера, предусмотренными Планом.

Принятый курс уже обусловил существенные изменения в подходе законодателя к регулированию хозяйственной деятельности, в частности привел к серьезному реформированию в последние годы экономико-правового механизма охраны окружающей среды. Пересмотр правил о плате за негативное воздействие на окружающую среду, нормирования воздействия на окружающую среду и ряда других должен способствовать решению поставленных задач. Вместе с тем требуется обеспечить согласование нововведений с другими целями и приоритетами государственной политики.

В 2017 г. Президент РФ принял Указ «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года»⁴. Решение основных задач в области обеспечения экологической безопасности должно осуществляться по следующим приоритетным направлениям: а) совершенствование законодательства в области охраны окружающей среды и природопользования, а также институциональной системы обеспечения экологической безопасности; б) внедрение инновационных и экологически чистых технологий, развитие экологически безопасных производств; в) активизация фундаментальных и прикладных научных исследований в области охраны окружающей среды и природопользования, включая экологически чистые технологии.

При решении задачи научного и информационно-аналитического обеспечения охраны окружающей среды и экологической безопасности используются следующие механизмы: а) расширение комплексных фундаментальных и прикладных исследований в области прогнозирования угроз экологического характера, а также негативных последствий, связанных с изменением климата; б) разработка и использование научно обоснованных и объективных показателей техногенного воздействия на окружающую среду и показателей экологической эффективности природоохранной деятельности; в) стимулирование проведения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в области охраны окружающей среды, ресурсосбережения и обеспечения экологической безопасности.

В части обеспечения экологической безопасности внедрение инновационных и экологически чистых технологий также рассматривается в качестве приоритетного направления. Таким образом, на основе анализа документов стратегического характера можно сделать вывод о том, что приоритетом государственной политики Российской Федерации на современном этапе является создание условий для экологически ориентированной технологической модернизации экономики. Инновационные технологии рассматриваются в качестве своего рода «сквозного» приоритета государственной политики. Их разработка и внедрение должны способствовать социально-экономическому развитию при обеспечении экологической безопасности. Однако в данной ситуации необходимо учитывать связанные с инновационными технологиями риски. При выработке решений по стимулированию субъектов хозяйственной деятельности к разработке и внедрению инновационных технологий, необходимо убедиться, что действующее законодательство содержит достаточные правила обеспечения безопасности новых технологий для окружающей среды и здоровья человека.

Решение этой задачи требует комплексного подхода к совершенствованию правового регулирования хозяйственной деятельности. Представляется, что данную задачу необходимо решать путем экологизации правовых норм, регулирующих как процесс создания новых технологий, их внедрение, так и собственно хозяйственную деятельность. Очевидно, следует рас-

⁴ Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://www.pravo.gov.ru>.

смотреть вопрос о том, каким образом действующим российским законодательством обеспечивается экологическая безопасность новых технологий при допуске их на рынок. Особую актуальность данный вопрос приобретает в свете существенного ускорения научно-технического прогресса, стремительного сокращения сроков разработки новых технологий.

В современном российском законодательстве существует несколько правовых институтов, опосредующих общественные отношения по созданию и внедрению новых технологий. Представляется целесообразным проанализировать в свете поставленного вопроса нормы об экологической экспертизе и о наилучших доступных технологиях.

В соответствии с п. 5 ст. 11 Закона РФ от 23.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе»⁵ к объектам экологической экспертизы федерального уровня относятся проекты технической документации на новые технику, технологию, использование которых может оказать воздействие на окружающую среду, а также технической документации на новые вещества, которые могут поступать в природную среду. В литературе отмечается [2], что при применении данной нормы возникают коллизии, разночтения в части определения того, что именно должно являться объектом экологической экспертизы в данном случае. Учитывая легальное определение экологической экспертизы в действующей редакции, остается открытым вопрос о том, в достаточной ли степени данные нормы обеспечивают экологическую безопасность новых технологий, если последствия ее применения еще не исследованы, не приняты соответствующие технические регламенты. Представляется целесообразным рассмотреть вопрос о совершенствовании правовой регламентации экологической экспертизы, конкретизации правил ее проведения применительно к новым технологиям. Такая регламентация должна основываться на общем принципе презумпции потенциальной экологической опасности любой намечаемой хозяйственной и иной деятельности, а также учитывать возможную ситуацию отсутствия данных о воздействии новой технологии на окружающую среду. В принятых в 2016 г. Национальных стандартах Российской Федерации по Менеджменту риска применения новых технологий⁶ отмечается, что внедрение новых технологий связано с идентификацией связанного с этим риска. Идентификация риска – сложная проблема. Дополнительная трудность состоит в том, что новые виды риска часто связаны с неизученными феноменами. Представляется, что эти исходные тезисы верны в отношении и экологических рисков, поэтому необходимо разработать и закрепить в законодательстве общий правовой механизм обеспечения экологической безопасности при разработке и внедрении новых технологий.

В настоящее время происходит реформирование системы нормирования загрязнения окружающей среды, формирования платы за загрязнение. Большие надежды возлагаются на формируемый институт наилучших доступных технологий (НДТ). Вместе с тем представляется необходимым поставить вопрос о согласовании норм о НДТ с нормами, опосредующими процесс разработки и внедрения новых технологий, определяющими механизм поддержки создания таких технологий.

Под наилучшей доступной технологией в соответствии с Федеральным законом от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»⁷ понимается технология производства продукции (товаров), выполнения работ, оказания услуг, определяемая на основе современных достижений науки и техники и наилучшего сочетания критериев достижения целей охраны окружающей среды при условии наличия технической возможности ее применения. Сочетанием критериев достижения целей охраны окружающей среды для определения НДТ являются:

⁵ Официальный интернет-портал правовой информации: <http://www.parvo.gov.ru>.

⁶ ГОСТ Р 57272.1-2016. Национальный стандарт Российской Федерации. Менеджмент риска применения новых технологий. Часть 1. Общие требования (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 21.11.2016 № 1717-ст). М.: Стандартинформ, 2016.

⁷ Официальный интернет-портал правовой информации: <http://www.parvo.gov.ru>.

- наименьший уровень негативного воздействия на окружающую среду в расчете на единицу времени или объем производимой продукции (товара), выполняемой работы, оказываемой услуги либо другие предусмотренные международными договорами Российской Федерации показатели;
- экономическая эффективность ее внедрения и эксплуатации;
- применение ресурсо- и энергосберегающих методов;
- период ее внедрения;
- промышленное внедрение этой технологии на двух и более объектах, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду.

К числу обязательных для соблюдения при осуществлении хозяйственной и иной деятельности в ст. 29 Закона «Об охране окружающей среды» относятся технологические показатели НДТ, которые также должны применяться для расчета технологических нормативов при выдаче комплексных экологических разрешений (предусмотрены ст. 31.1). Пока невозможно оценить эффективность такого механизма нормирования воздействия на окружающую среду, поскольку он еще не реализован. Вместе с тем такие инструменты, как технологические показатели, могут быть в дальнейшем использованы в механизме обеспечения экологической безопасности для установления целевых параметров разрабатываемых новых технологий при формировании соответствующей системы стимулирования.

Таким образом, проведенное исследование позволяет ставить вопрос о необходимости детального изучения действующих эколого-правовых норм с целью оценки их достаточности и эффективности для обеспечения экологической безопасности при разработке и внедрении новых технологий. Кроме того, целесообразной также видится дальнейшая теоретическая разработка правового механизма обеспечения экологической безопасности новых технологий с учетом необходимости создания системы мер по стимулированию создания и внедрения инновационных технологий, обеспечивающих экологически ориентированный экономический рост.

Список литературы / References

1. **Гиззатуллин Р. Х.** Правовое обеспечение реализации Основ государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года // Экологическое право. 2016. № 5. С. 3–6.
Gizzatullin, R. Kh. Pravovoye obespecheniye realizatsii Osnov gosudarstvennoy politiki v oblasti ekologicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda [Legal support for implementation of Environment State Policy of the Russian Federation for the period up to 2030]. *Ekologicheskoye pravo*, 2016, no. 5, p. 3–6. (in Russ.)
2. **Хлуденева Н. И.** Дефекты правового регулирования охраны окружающей среды: Монография. М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2014. 172 с.
Khludeneva, N. I. Defekty pravovogo regulirovaniya okhrany okruzhayushchey sredy [Defects of legal regulation of the environmental protection]. Moscow, IZiSP, INFRA-M, 2014, 172 p. (in Russ.)

*Материал поступил в редколлегию
Received
24.08.2018*

Сведения об авторе / Information about the Author

Мельникова Валентина Григорьевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры природоресурсного, земельного и экологического права, зав. кафедрой ИП ТУСУР, Томский государственный университет (пр. Ленина 36, Томск, 634050, Россия)

Valentina G. Melnikova, PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Natural Resources, Land and Environmental Law (TSU), Head of the Department of IL (TUSUR), Tomsk State University (36 Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation)

walmel@yandex.ru

К вопросу о двойной аренде земельных участков

Р. Р. Кузьмин

Тюменский государственный университет
Тюмень, Россия

Аннотация

Рассматриваются проблемные моменты, возникающие при аренде лесного участка, обусловленные возможной повторной сдачей такого участка собственником в аренду при уже имеющемся указанном аналогичном праве. Проанализированы основные пробелы правового регулирования, в частности отсутствие критериев совместимости разных видов использования лесов, и возникающая в связи с этим вероятность утраты залога права аренды лесных участков по причине прекращения данного права, а также неосуществимость реализации предмета залога ввиду невозможности его использования при сохранении залогового обязательства. Предложены соответствующие рекомендации по разрешению указанных дилемм. Кроме того, отмечается особая практическая и теоретическая значимость по вопросу отсутствия детального законодательного регулирования указанного института, несмотря на относительную давность его возникновения. В этой связи в настоящий момент приоритетным является установление способа определения совместимости видов лесопользования, исходя из их практической реализации. В процессе исследования были использованы общенаучный, исторический, аналитический, формально-юридический, функциональный и другие методы.

Ключевые слова

двойная аренда лесного участка, совместимость видов лесопользования, залог права аренды

Для цитирования

Кузьмин Р. Р. К вопросу о двойной аренде земельных участков // Юридическая наука и практика. 2019. Т. 15, № 1. С. 41–47. DOI 10.25205/2542-0410-2019-15-1-41-47

To the Question about Double Lease of Land Plots

R. R. Kuzmin

Tyumen State University
Tyumen, Russian Federation

Abstract

The current article deals with the problems of forest land lease arising from the repeated lease of the land, when such a right already exists. The article focus on an analysis of the main gaps of legal regulation, in particular, the lack of criteria for the compatibility of different types of forest use, and the resulting probability of loss of the pledge of the right to lease forest plots due to the termination of this right, as well as the impossibility of the realization of the pledged item due to the impossibility of its use despite the preservation of the pledge obligation. The author offers recommendations for resolving these problematic issues. The researcher points on the special practical and theoretical importance of further solving of the problem of the lack of detailed legislative regulation of this legal institution. In this regard, we can say that at the moment the highest priority is to establish a method for determining the compatibility of forest uses, based on their practical implementation. The author used general scientific, historical, analytical, formal legal, functional and other methods.

Keywords

double lease of forest plots, compatibility of types of forest use, a pledge of lease rights

For citation

Kuzmin, R. R. To the Question about Double Lease of Land Plots. *Juridical Science and Practice*, 2019, vol. 15, no. 1, p. 41–47. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2019-15-1-41-47

В современном мире достаточно широко распространены возмездные сделки по передаче прав владения и/или пользования имуществом, в том числе недвижимым. Большинство элементов данных соглашений были разработаны еще во времена античности. Так, в римском праве одна из разновидностей договора аренды (*Location-conductio rei* (аренда вещей)) представляла собой двусторонний контракт, согласно которому арендодатель (*locator*) обязывался уступить на установленное или неопределенное время пользование вещью в обмен на периодическую выплату (*merces*), которую арендатор (*conductor*) обязывался ему предоставить [1. С. 325].

Из этого становится ясно, что свой нынешний облик арендные соглашения во многом заимствовали из римского права, что обусловлено детальным уровнем разработки соответствующих юридических конструкций правотворцами того времени.

В нашей же стране данный вид обязательств получил развитие задолго до событий 1917 г., в частности в 30-е гг. XIX в. существовали арендные отношения в сфере оборота земельных участков [2. С. 76]. Однако из-за произошедших в начале прошлого столетия потрясений и последующего за ними изменения общества уже в 1937 г. имелся запрет в отношении любой аренды сельскохозяйственных земель, а в 1964 г. в Гражданском кодексе РСФСР полностью отсутствовало указание на аренду земельных участков.

Ввиду длительности обозначенного запрета названные отношения лишь в 80-х гг. минувшего века нашли отражение в законодательстве [2. С. 77].

Из приведенного выше явствует, что арендные обязательства изучались и совершенствовались на протяжении долгого периода, а земля как объект гражданских прав имеет особую значимость со времен издания первых правотворческих актов человека, что обусловлено, в первую очередь, ее краеугольным положением в системе экономики.

Однако, несмотря на это, по сей день в нормативном регулировании указанных отношений имеются «белые пятна», в том числе в связи с историческими причинами, указанными выше. В их числе особое место занимает проблема двойной аренды земельных участков.

По общему правилу одно и то же имущество не может одновременно передаваться разным лицам по договорам аренды. Данная аксиома подтверждается судебной практикой¹. Вместе с тем, когда речь идет о специальных видах договора аренды земельных участков, данное правило перестает быть бесспорным. Так, согласно ст. 7 Лесного кодекса РФ (далее – ЛК РФ) лесным участком является земельный участок, который расположен в границах лесничеств, лесопарков и образован в соответствии с требованиями земельного законодательства и ЛК РФ². В силу прямого указания ч. 2 ст. 3 ЛК РФ гражданское и земельное законодательство непосредственно регулирует имущественные отношения, связанные с оборотом лесных участков, но только в том случае если иное не установлено нормами иных отраслей законодательства, в частности лесного. Из приведенного прямо следует, что лесной участок – это разновидность земельного участка, и, как следствие этого, договор аренды лесного участка является одним из видов договора аренды земельного участка.

Тем не менее, ввиду того, что ЛК РФ по отношению к ЗК РФ является специальным законом, предоставление лесных участков имеет свои особенности. В соответствии с ч. 1 ст. 72 ЛК РФ по договору аренды лесного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, арендодатель предоставляет арендатору лесной участок для одной или нескольких целей, предусмотренных статьей 25 ЛК РФ. Иначе говоря, в отличие от многих иных объектов гражданских прав леса согласно ч. 2 ст. 25 ЛК РФ могут одновременно использоваться как для одной, так и для нескольких целей.

В силу п. 4 ст. 1 ЛК РФ лесное законодательство, как и любое другое, основывается на ряде принципов, среди которых принципы обеспечения многоцелевого, рационального, непре-

¹ Постановления ФАС Северо-Кавказского от 29.07.2014 № А53-27875/2013, Московского от 01.11.2010 № КГ-А40/10334-10 округов, Третьего арбитражного апелляционного суда от 25.06.2013 № А33-20601/2012 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 13.11.2018).

² Рос. газета. 2006. № 277.

рывного, неистощительного использования лесов для удовлетворения потребностей общества в лесах и лесных ресурсах. Анализ данных положений очевидно ведет к следующим заключениям: 1) возможны ситуации передачи одного и того же лесного участка в пользование и одному лицу, и разным лицам для разных целей; 2) установленные правовыми нормами, в том числе ст. 25 ЛК РФ, виды использования лесов не всегда являются совместимыми [3. С. 81].

Однако следует отметить, что в правовой доктрине имеются противники такого подхода. По мнению отдельных авторов, заключение нескольких договоров аренды на один и тот же лесной участок (объект недвижимости) противоречит нормам гражданского законодательства, ввиду чего для реализации подобного права необходимо выработать иные механизмы (в частности, это может быть заключение договора субаренды или, к примеру, заключение договора аренды с множественностью лиц на стороне арендатора) [4. С. 154].

Подобная интерпретация не сразу была принята на практике. В свое время Федеральный Арбитражный Суд Центрального округа в Постановлении от 05.04.2010 по делу № А09-9389/2009 высказал позицию, что в соответствии со ст. 606-607 ГК РФ лесной участок как объект аренды не может являться одновременно предметом нескольких сделок. Статья 25 ЛК РФ, устанавливающая виды использования лесов, которой предусмотрено использование лесов для нескольких целей, не входит в противоречие со ст. 606, 607 ГК РФ, так как данная норма определяет лишь виды использования лесных участков, но не порядок передачи их в аренду³.

Того же взгляда на данный вопрос придерживались и исполнительные органы власти. Так, подобную позицию высказывал Рослесхоз в Письме от 2 апреля 2008 г. № МГ-03-28/2198, суть которого сводилась к тому, что ни действующий ЛК РФ, ни гражданское законодательство не предусматривают возможности предоставлять один лесной участок для одного или нескольких видов использования лесов нескольким лесопользователям⁴.

В связи с распространенностью указанной выше точки зрения органы, осуществляющие государственную регистрацию прав на недвижимое имущество и сделок с ним, отказывались регистрировать право аренды ввиду наличия уже зарегистрированного аналогичного права.

Вместе с тем прямо противоположное мнение высказал Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в Постановлении от 27 июля 2010 г. № 2111/10 по делу № А05-7607/2009, в котором указал, что ЛК РФ не содержит запрета на предоставление лесных участков разным лесопользователям для осуществления разных видов деятельности. Системное толкование указанных норм законодательства показывает, что ограничение как по виду лесопользования, так и по числу лесопользователей возникает только в том случае, когда одновременное многоцелевое лесопользование одним земельным участком невозможно⁵.

При этом следует упомянуть, что ВАС РФ в Определении от 11.08.2010 № ВАС-10408/10 указал на ошибочность выводов ФАС Центрального округа в указанном Постановлении от 05.04.2010 по делу № А09-9389/2009 в обозначенной части⁶.

Впоследствии в п. 13 Постановления Пленума ВАС РФ от 17.11.2011 № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» было дано следующее разъяснение: «...наличие в ЕГРП записи об аренде недвижимой вещи не препятствует внесению в реестр записи о другом договоре аренды той же вещи»⁷.

³ СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 13.11.2018).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Вестн. Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012. № 1.

По этому поводу Р. С. Бевзенко отметил: «Наличие зарегистрированной сделки не может само по себе создавать препятствия для государственной регистрации другой сделки с тем же имуществом, например, вполне возможна аренда одной и той же вещи двумя арендаторами, которые будут использовать вещь с разной целью. Это связано с тем, что такие договоры, заключенные одним лицом с несколькими контрагентами по поводу одной и той же вещи, порождают лишь конкурирующие обязательства этого лица перед контрагентами; факт наличия нескольких сделок по поводу одного и того же предмета не влечет за собой их недействительность» [5. С. 78].

Исходя из сказанного можно сделать вывод, что в рамках отдельных видов аренды, таких как аренда лесного участка, может быть заключено несколько договоров с разными арендаторами в отношении одного и того же объекта гражданских прав. Таким образом, двойная и более аренда является допустимой правовой конструкцией, так как в рамках указанных отношений значение имеет именно возможность каждого из арендаторов пользоваться переданным ему объектом в соответствии с условиями договора и действующего законодательства, не исключая при этом подобного использования другим лицом, получившим такой объект.

Однако в связи с тем, что данный институт не содержит детальной правовой регламентации, в том числе ввиду того, что в свое время сам факт его наличия в законодательстве РФ вызывал дискуссию, в практике имеется целый ряд нерешенных дилемм, к числу которых относится определение возможности совместимости разных видов использования лесов на одном лесном участке и передача такого участка в залог.

О. Я. Глибка высказывала позицию, что несовместимость видов лесопользования может следовать из тех ограничений, которые установлены в ЛК РФ или иных законах. Вместе с тем иногда подобные ограничения не предусмотрены законом, хотя на практике цели использования лесов могут быть взаимоисключающими [3. С. 83].

Так, к примеру, Е. М. Масловой и Н. М. Шепелевой в свое время освещалась проблема предоставления лесного участка в целях заготовки древесины и добычи полезных ископаемых. Как отмечали авторы, в судебной практике существует две противоположные позиции по данному вопросу. Согласно первой позиции рубка лесов не является для недропользователя основным видом деятельности, а необходима только в целях разработки месторождений, поэтому не препятствует реализации прав лесопользователя⁸. В соответствии со второй пользование лесным участком одновременно для целей недропользования и заготовки древесины не представляется возможным ввиду того, что это взаимоисключающие виды природопользования⁹ [6. С. 65].

Точку в указанном споре поставил Верховный Суд РФ в Определении от 23.10.2015 № 301-ЭС15-13680 по делу № А82-12416/2013, суть которого сводилась к тому, что деятельность по добыче полезных ископаемых (работы по геологическому изучению недр, разработке месторождений полезных ископаемых и сопутствующая рубка лесных насаждений) не относится к самостоятельному виду лесопользования и, как следствие, не нарушает прав другого лесопользователя¹⁰. Другими словами, из текста данного постановления явствует, что позиция первых из обозначенных Е. М. Масловой и Н. М. Шепелевой судов являлась верной.

Вместе с тем это не отменяет того факта, что имеется ряд иных проблем. В частности, недропользователь, не имея при использовании лесного участка целей заготовки древесины, обязан передавать вырубленную им древесину не другому арендатору, который для данной

⁸ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 04.03.2013 № 17АП-1314/2013-АК по делу № А60-29395/2012 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 13.11.2018).

⁹ Решение Арбитражного суда Приморского края от 06.03.2013 по делу № А51-22015/2012, решение Арбитражного суда Приморского края от 20.02.2013 по делу № А51-30238/2012. URL: <http://kad.arbitr.ru>.

¹⁰ СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 13.11.2018).

деятельности взял указанный участок, а государству, так как согласно ч. 2 ст. 20 ЛК РФ право собственности на древесину, которая получена при использовании лесов, расположенных на землях лесного фонда, в соответствии со ст. 43–46 ЛК РФ принадлежит Российской Федерации. Статья 43 ЛК РФ регулирует использование лесов для выполнения работ по геологическому изучению недр, для разработки месторождений полезных ископаемых.

Таким образом, на практике проблема совместимости разных видов использования лесов возникает нередко, что впоследствии зачастую доходит до высшей судебной инстанции. Кроме того, передача одного и того же лесного участка по различным договорам аренды с взаимоисключающими видами лесопользования может привести к признанию сделки недействительной¹¹.

В этой связи необходимо проанализировать влияние подобного пробела на один из важнейших институтов обеспечения исполнения обязательств – залога права аренды. Так, в ЛК РФ норма, предоставляющая возможность передачи права аренды лесного участка в залог напрямую, не указана, однако исходя из совокупного содержания п. 5 ст. 71 ЛК РФ, ст. 5 Федерального закона от 04.12.2006 № 201-ФЗ «О введении в действие Лесного кодекса Российской Федерации», пп. «у» п. 12 ранее действовавшего Типового договора аренды лесного участка, утвержденного утратившим силу постановлением Правительства Российской Федерации от 21 сентября 2015 г. № 1003¹², ст. 615 ГК РФ арендатор, по общему правилу, может с согласия арендодателя совершить подобную передачу¹³. Исключение составляют, в том числе, случаи, когда договор заключен в рамках реализации инвестиционного проекта¹⁴.

Согласно пп. 3 п. 1 ст. 352 ГК РФ залог прекращается в нескольких случаях: гибели заложенной вещи; прекращения заложенного права (при условии, что залогодатель не воспользовался правом, предоставленным ему п. 2 ст. 345 ГК РФ).

В ряде судебных решений отмечено, что прекращение права аренды влечет за собой прекращение залога права аренды в качестве обеспечения исполнения обязательства¹⁵.

Как видно из приведенных выше норм, залогодержатель несет целый ряд рисков в случае принятия в залог права аренды лесного участка. В числе наиболее существенных следует указать: 1) утрату права залога аренды лесного участка в случае признания договора аренды недействительным в связи с тем, что он заключен в отношении участка, ранее переданного по договору аренды, и содержит взаимоисключающий с первым арендатором вид лесопользования; 2) проблему реализации залога в ситуации, когда вид лесопользования сам по себе не является взаимоисключающим при эксплуатации участка наряду с лицом, ранее заключившим договор, однако по факту лишаящим возможности владения им и извлечения из него полезных свойств в соответствии с указанным в соглашении видом, как в вышеуказанном случае при двойной аренде лесного участка одновременно для целей недропользования и заготовки древесины.

В заключение хотелось бы подвести следующие итоги проведенного исследования. Действующим законодательством и практикой правоприменения допускается установление двойной аренды лесного участка. Однако, несмотря на давность возникновения такого под-

¹¹ Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 16.12.2011 по делу № А19-13367/2011 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 13.11.2018).

¹² СЗ РФ. 2015. № 39. Ст. 5415.

¹³ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 15.06.2017 № 2-АПГ17-7; Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 29.03.2018 № 02АП-1360/2018 по делу № А29-15204/2017; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.01.2017 № Ф05-19242/2016 по делу № А41-26948/16 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 13.11.2018).

¹⁴ Определение Верховного Суда РФ от 10.11.2017 № 308-ЭС17-16617 по делу № А32-34145/2016; Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 11.12.2017 № Ф08-8499/2017 по делу № А32-34146/2016 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 13.11.2018).

¹⁵ Определение Верховного Суда РФ от 22.09.2015 № 374-ПЭК15 по делу № А41-9819/2013; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 10.11.2016 № Ф04-5404/2016 по делу № А03-976/2016; Определение Верховного Суда РФ от 07.03.2017 № 304-КГ17-375 по делу № А03-976/2016 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 13.11.2018).

хода, до сих пор не осуществлена нормотворческая работа по устранению правовых пробелов и детальному урегулированию данной проблемной области. Из этого вытекает целый ряд вопросов, затрагивающих базовые институты права, в числе которых находится залог.

В частности, имеется потенциальный риск утраты залога права аренды, если виды использования одного и того же лесного участка по разным договорам являются взаимоисключающими. При этом законодательно критерии совместимости разных видов использования лесов не установлены.

В качестве возможных выходов из ситуации предлагается рассматривать следующие варианты: 1) непосредственное установление в законе в отношении каждого отдельного вида использования, перечня видов, с ним не совместимых; 2) определение критериев совместимости видов использования лесов. По мнению Е. М. Масловой и Н. М. Шепелевой, в ч. 2 ст. 25 Лесного кодекса следует закрепить, что один лесной участок может быть предоставлен для различных целей при условии, что виды лесопользования не являются взаимоисключающими, и установить критерии, в соответствии с которыми можно было бы оценить возможность совместного использования лесного участка [6. С. 67].

Наиболее предпочтительным является первый из названных вариантов, так как установление критериев приведет к возникновению возможности оценки совместимости видов лесопользования, что так или иначе породит разночтения и злоупотребления, в то время как первый вариант исключит подобные последствия. Кроме того, в случае, если залог не утрачен по причине прекращения договора аренды лесного участка (в том числе признания недействительным или незаключенным ввиду взаимоисключающего вида использования леса), реализация права аренды может быть затруднена, так как фактически арендатор по данному договору лишен возможности использовать его в соответствии с видом, установленным в договоре, по причине того, что другой лесопользователь его фактически использует способом, не позволяющим указанному арендатору извлекать из него полезные свойства.

Список литературы / References

1. **Санфилиппо Ч.** Курс римского частного права: Учебник / Пер. с итал. И. И. Маханькова; под общ. ред. Д. В. Дождева. М.: Норма, 2011. 464 с.
Sanfilippo, Ch. Kurs rimskogo chastnogo prava [The course of Roman private law: textbook]. Translate from Italian by I. I. Makhankov; ed. by D. V. Dozhdev. Moscow, Norma, 2011, 464 p. (in Russ.)
2. **Леус М. В.** История развития законодательства о договоре аренды земельного участка // Теория и практика общественного развития. 2016. № 5. С. 76–78.
Leus, M. V. Istoriya razvitiya zakonodatel'stva o dogovore arendy zemel'nogo uchastka [The history of development of the land lease agreement legislation]. *Theory and Practice of Social Development*, 2016, no. 5, p. 76–78. (in Russ.)
3. **Глибко О. Я.** Проблема двойной аренды земельных участков в законодательстве России // Российский юридический журнал. 2015. № 2. С. 80–87.
Glibko, O. Ya. Problema dvoynoi arendy zemel'nyh uchastkov v zakonodatel'stve Rossii [the problem of double lease of land in the legislation of Russia]. *Russian Juridical Journal*, 2015, no. 2, p. 80–87. (in Russ.)
4. **Шуплецова Ю. И.** Правовые проблемы реализации прав на лесные участки // Журнал российского права. 2016. № 12. С. 151–161.
Shupletsova, Yu. I. Pravovye problemy realizatsii prav na lesnye uchastki [Legal Problems of Realization of Rights on Forest Areas]. *Journal of Russian Law*, 2016, no. 12, p. 151–161. (in Russ.)
5. **Бевзенко Р. С.** Государственная регистрация сделок и последствия ее отсутствия: комментарий к ст. 164 и 165 ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 5. С. 65–87.
Bevzenko, R. S. Gosudarstvennaya registratsiya sdelok i posledstviya ee otsutstviya: kommentarii k st. 164 i 165 GK RF [state Registration of Transactions and Consequences of Non-Complying with It: A Commentary to Articles 164 and 165 of the Civil Code of the Russian Federation]. *Economic Litigation Bulletin of the Russian Federation*, 2017, no. 5, p. 65–87. (in Russ.)

6. **Маслова Е. М., Шепелева Н. М.** К вопросу о «многоцелевом» использовании лесных участков // Бизнес, менеджмент и право. 2015. № 2. С. 64–67.
Maslova, E. M., Shepeleva, N. M. K voprosu o “mnogotselevom” ispol'zovanii lesnykh uchastkov [On the problem of multi-purpose use of the forest plots]. *Business, Management and Law*, 2015, no. 2, p. 64–67. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

21.12.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Кузьмин Роман Ростиславович, аспирант кафедры гражданского права и процесса юридического факультета, Институт государства и права Тюменского государственного университета (ул. Ленина, 38, г. Тюмень, 625003, Россия)

Roman R. Kuzmin, PhD student 2 courses of the Department of Civil Law and Procedure Law Faculty, Institute of State and Law, Tyumen State University (38 Lenin St., Tyumen, 625003, Russian Federation)

romich.rk86@mail.ru

УДК 343.9

DOI 10.25205/2542-0410-2019-15-1-48-54

Подходы к определению безопасности в законодательстве Российской Федерации

И. А. Дамм

*Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия*

Аннотация

В современном мире «безопасность» стала одной из ключевых категорий. Потребность человека, общества и государства в защищенности от угроз и опасностей обуславливает использование различных инструментов воздействия на общественные отношения, одним из значимых регуляторов которых выступает право. Несмотря на последовательное развитие законодательства о безопасности, вопрос о содержательном наполнении такой базовой правовой категории, как «безопасность», остается открытым. В Федеральном законе «О безопасности» понятие безопасности не раскрывается. Указанный пробел в «основном законе» о безопасности компенсируется в отраслевых федеральных законах и подзаконных нормативных правовых актах, в которых содержатся дефиниции соответствующих видов безопасности. Изучение подходов к определению безопасности в отраслевых законах и подзаконных нормативных правовых актах позволяет сделать вывод, что в качестве ключевой характеристики видов безопасности преимущественно называется «состояние защищенности» от соответствующих угроз. Вместе с тем отсутствие в действующем Федеральном законе «О безопасности» понятийной системы координат в целом и понятия «безопасность» в частности приводит к воспроизводству терминологической неопределенности в отраслевом законодательстве о безопасности.

Ключевые слова

безопасность, понятие безопасности, признаки безопасности, виды безопасности, национальная безопасность, законодательство о безопасности.

Для цитирования

Дамм И. А. Подходы к определению безопасности в законодательстве Российской Федерации // Юридическая наука и практика. 2019. Т. 15, № 1. С. 48–54. DOI 10.25205/2542-0410-2019-15-1-48-54

Approaches to the Definition of Security in the Legislation of Russian Federation

I. A. Damm

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Abstract

In the modern world, “security” has become one of the key categories. The need of a person, society and the state to be protected from various types of threats and dangers determines the use of various tools to influence social relations. One of the most significant regulators of such relations is law. Despite of the consistent development of security legislation, the question of the content of such a basic legal category as “security” remains open. In the Federal Law “On Security” the concept of security is not disclosed. The specified gap in the “basic law” on security is compensated for in branch federal laws and subordinate regulatory legal acts, which contain definitions of relevant types of security. The study of approaches to the definition of security in sectoral laws and subordinate regulatory legal acts allows us to conclude that, as a key characteristic of security types, it is primarily called “state of protection” against the corresponding threats. At the same time, the lack of a conceptual coordinate system as a whole, and the concept of “security” in particular, in current Federal Law “On Security” leads to the reproduction of terminological uncertainty in sectoral security legislation.

Keywords

security, concept of security, signs of security, types of security, national security, security legislation

For citation

Damm, I. A. Approaches to the Definition of Security in the Legislation of Russian Federation. *Juridical Science and Practice*, 2019, vol. 15, no. 1, p. 48–54. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2019-15-1-48-54

© И. А. Дамм, 2019

ISSN 2542-0410

Юридическая наука и практика. 2019. Т. 15, № 1
Juridical Science and Practice, 2019, vol. 15, no. 1

В современной России вопросам обеспечения безопасности различных сфер общественных отношений уделяется значительное внимание. Массив уже сложившихся, а также развивающихся общественных отношений требует от государства принятия своевременных мер по выявлению и предупреждению угроз, способных причинить вред существованию и устойчивому развитию человека, общества и государства. В связи с этим безопасность стала одной из значимых и исследуемых научно-правовых категорий. Вместе с тем вопросы определения, а также содержательного наполнения столь значимой научной категории, как «безопасность», в российской правовой доктрине до сих пор остаются открытыми. В научной литературе не прекращаются дискуссии о содержании понятия «безопасность», о ее видах и соотношении «видовых» понятий: «национальная безопасность», «государственная безопасность», «безопасность государства», «общественная безопасность» [1–12].

Следствием разногласий в указанных вопросах в доктрине стало отсутствие в законодательстве о безопасности единой системы «понятийных координат». В свою очередь, необходимость реагирования на существующие и возникающие угрозы и опасности обусловила опережающее научные разработки, формирование законодательства о безопасности.

На уровне федерального законодательства основы правового регулирования вопросов безопасности закреплены в Федеральном законе от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» (далее – Федеральный закон «О безопасности»)¹. В специальных федеральных законах регламентируются вопросы безопасности: дорожного движения, пожарной, транспортной, промышленной безопасности, безопасности опасных производственных объектов, гидротехнических сооружений, объектов топливно-энергетического комплекса, пищевых продуктов, радиационной безопасности населения и др.

Примечательно, что в базовом Федеральном законе «О безопасности» отсутствует статья, раскрывающая основные понятия. Соответственно в «основном законе» понятийно-категориальная система не выстроена, и родовое понятие «безопасность» не определено.

Следует отметить, что в утратившем силу Законе РФ от 05.03.1992 № 2446-1 «О безопасности»² понятие безопасности было определено как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз». Под жизненно важными интересами предлагалось понимать «совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства». Кроме того, в данном законе также были определены основные объекты безопасности: «личность – ее права и свободы; общество – его материальные и духовные ценности; государство – его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность» (ст. 1).

Отсутствие в «основном законе» понятия безопасности вынужденно компенсируется в отраслевых федеральных законах и подзаконных нормативных правовых актах, в которых раскрываются определения соответствующих видов безопасности.

Изучение содержания определений безопасности, закрепленных в отраслевом законодательстве, позволяет сделать вывод, что в большинстве из них основной характеристикой безопасности называется «состояние защищенности». Так, в Федеральном законе от 21.12.1994 № 69-ФЗ «О пожарной безопасности»³ под пожарной безопасностью предлагается понимать «состояние защищенности личности, имущества, общества и государства от пожаров» (ст. 1).

Безопасность дорожного движения в Федеральном законе от 10.12.1995 № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения»⁴ определена как «состояние данного процесса, отражающее степень защищенности его участников от дорожно-транспортных происшествий и их последствий» (ст. 2).

¹ СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 2.

² Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 769.

³ СЗ РФ. 1994. № 35. Ст. 3649.

⁴ СЗ РФ. 1995. № 50. Ст. 4873.

Федеральный закон от 09.01.1996 № 3-ФЗ «О радиационной безопасности населения»⁵ закрепляет следующее понятие: радиационная безопасность населения – «состояние защищенности настоящего и будущего поколений людей от вредного для их здоровья воздействия ионизирующего излучения» (ст. 1).

Федеральный закон от 21.07.1997 № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов»⁶ определяет промышленную безопасность опасных производственных объектов как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности и общества от аварий на опасных производственных объектах и последствий указанных аварий» (ст. 1).

В Федеральном законе от 21.07.2011 № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса»⁷ под безопасностью объектов топливно-энергетического комплекса понимается «состояние защищенности объектов топливно-энергетического комплекса от актов незаконного вмешательства» (ст. 2).

Безопасность критической информационной инфраструктуры определена в Федеральном законе от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»⁸ как «состояние защищенности критической информационной инфраструктуры, обеспечивающее ее устойчивое функционирование при проведении в отношении ее компьютерных атак» (ст. 2).

В иных отраслевых законах, содержащих определения безопасности, данное понятие раскрывается через «состояние» или «свойство» определенных объектов (гидротехнических сооружений, продуктов питания и пр.), имеющих смешанную природу объектов охраны и источников опасности. Например, в Федеральном законе от 21.07.1997 № 117-ФЗ «О безопасности гидротехнических сооружений»⁹ под безопасностью гидротехнических сооружений понимается «свойство гидротехнических сооружений, позволяющее обеспечивать защиту жизни, здоровья и законных интересов людей, окружающей среды и хозяйственных объектов» (ст. 3).

Федеральный закон от 02.01.2000 № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов»¹⁰ определяет безопасность пищевых продуктов как «состояние обоснованной уверенности в том, что пищевые продукты при обычных условиях их использования не являются вредными и не представляют опасности для здоровья нынешнего и будущих поколений» (ст. 1).

Федеральный закон от 30.12.2009 № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений»¹¹ предлагает определение механической безопасности, под которой понимается «состояние строительных конструкций и основания здания или сооружения, при котором отсутствует недопустимый риск, связанный с причинением вреда жизни или здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу, окружающей среде, жизни и здоровью животных и растений вследствие разрушения или потери устойчивости здания, сооружения или их части» (ст. 2).

В Федеральном законе от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации»¹² под безопасностью туризма понимаются «безопасность туристов (экскурсантов) сохранность их имущества, а также ненанесение ущерба при совершении путешествий окружающей среде, материальным и духовным ценностям общества, безопасности государства» (ст. 14).

⁵ СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 141.

⁶ СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3588.

⁷ СЗ РФ. 2011. № 30. Ч. 1. Ст. 4604.

⁸ СЗ РФ. 2017. № 31. Ч. 1. Ст. 4736.

⁹ СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3589.

¹⁰ СЗ РФ. 2000. № 2. Ст. 150.

¹¹ СЗ РФ. 2010. № 1. Ст. 5.

¹² СЗ РФ. 1996. № 49. Ст. 5491.

Следует отметить, что с момента принятия приведенных федеральных законов в указанные выше законодательные определения безопасности в различных сферах изменения не вносились. Исключение составляет лишь Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», в котором понятие безопасности туризма в первоначальной редакции было сформулировано следующим образом: «Под безопасностью туризма понимаются личная безопасность туристов, сохранность их имущества и ненанесение ущерба окружающей природной среде при совершении путешествий». В новой редакции¹³ в содержании понятия «безопасность туризма» перед словом «безопасность» исключено слово «личная». В свою очередь, в качестве объектов охраны в новой редакции помимо безопасности туристов и окружающей среды указываются материальные и духовные ценности общества и безопасности государства в целом. Также в словосочетании «окружающая природная среда» исключено слово «природная», что привело к расширению объема рассматриваемого понятия. Соответственно безопасность туризма, как следует из новой редакции, не ограничивается лишь личной безопасностью туристов, а расширена до уровня безопасности всего государства, а охраняемая окружающая среда более не ограничена только природной.

В кодексах Российской Федерации также содержатся отраслевые определения безопасности. Например, в Воздушном кодексе РФ¹⁴ авиационная безопасность определена как «состояние защищенности авиации от незаконного вмешательства в деятельность в области авиации». Под незаконным вмешательством в деятельность в области авиации понимаются «противоправные действия (бездействие), угрожающие безопасной деятельности в области авиации, повлекшие за собой несчастные случаи с людьми, материальный ущерб, захват или угон воздушного судна либо создавшие угрозу наступления таких последствий» (ст. 83).

В Трудовом кодексе РФ¹⁵ понятие «безопасность труда» не содержится, вместе с тем определены «стандарты безопасности труда – правила, процедуры, критерии и нормативы, направленные на сохранение жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности и регламентирующие осуществление социально-экономических, организационных, санитарно-гигиенических, лечебно-профилактических, реабилитационных мер в области охраны труда» (ч. 13 ст. 209). Под безопасными условиями труда понимаются такие «условия труда, при которых воздействие на работающих вредных и (или) опасных производственных факторов исключено либо уровни их воздействия не превышают установленных нормативов» (ч. 5 ст. 209).

На уровне подзаконных нормативных правовых актов система понятийных координат выстроена применительно к категории «национальная безопасность» в Указе Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»¹⁶. Так, под национальной безопасностью в Стратегии предлагается понимать состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации.

В названной Стратегии также указывается, что национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией и законодательством РФ, прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности.

¹³ СЗ РФ. 2007. № 7. Ст. 833.

¹⁴ СЗ РФ. 1997. № 12. Ст. 1383.

¹⁵ СЗ РФ. 2002. № 1. Ч. 1. Ст. 3.

¹⁶ СЗ РФ. 2016. № 1. Ч. 2. Ст. 212.

Следует отметить, что понятие «национальная безопасность» в Стратегии 2015 г. практически дословно соответствует аналогичному понятию, изложенному в уже утратившем силу Указе Президента РФ от 12.05.2009 № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года»¹⁷. Содержательное различие в определениях «национальная безопасность» в утратившей силу Стратегии и действующей Стратегии заключается лишь в том, что в старом понятии «национальная безопасность» была призвана обеспечить в том числе оборону и безопасность государства. В новом определении такие направления обеспечения национальной безопасности, как оборона и безопасность, исключены из понятия «национальная безопасность».

Анализ представленного свода законодательных определений безопасности и ее видов свидетельствует о том, что в законодательстве Российской Федерации о безопасности единое терминологическое пространство не сформировалось. Правовые определения безопасности в отраслевом законодательстве в большинстве своем опираются на концептуальное понимание родового понятия безопасности, предложенного в утратившем силу Законе РФ от 05.03.1992 № 2446-1 «О безопасности», где безопасность определялась как «состояние защищенности» объектов охраны от перечисляемых угроз. Сложившаяся ситуация представляется закономерной: в отсутствие нового концептуального понимания безопасности используется в целом не утратившее актуальности старое.

Следует отметить, что законодатель в вопросах правового регулирования противодействия различным видам преступности пусть и не всегда безупречно, но все же последовательно формирует единую понятийную систему. Например, в Федеральных законах от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»¹⁸, от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»¹⁹, от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»²⁰ и других актах содержатся статьи, раскрывающие основные понятия. При этом в более поздних Федеральных законах «О противодействии терроризму» и «О противодействии коррупции» наблюдается последовательное формирование унифицированного законодательного понятийно-категориального аппарата противодействия различным видам общественно опасных явлений.

Правовую терминологическую определенность в вопросах противодействия преступности, как, впрочем, и вопросах обеспечения безопасности, трудно переоценить. Пусть даже далеко не безупречное законодательное определение понятия «коррупция» все же имеет большое значение не только для формирования правоприменительной практики, но и для углубления научного познания сущностных характеристик коррупции как правовой категории. Аналогичной видится и ситуация с понятием «безопасность».

Полагая, в целях развития науки и совершенствования правоприменительной практики необходима унификация и определение понятийно-категориального аппарата на уровне Федерального закона «О безопасности» с приведением в соответствие отраслевого законодательства о безопасности. Правовой определенности требуют такие категории, как «безопасность», «угрозы безопасности», «система обеспечения безопасности». Вместе с тем нормативному закреплению указанных понятий должны предшествовать междисциплинарные исследования рассмотренных категорий, поскольку современной философской, политологической, социологической, экономической и, конечно, правовой наукой накоплен значительный массив знаний, подлежащий тщательному обобщению и систематизации.

¹⁷ СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.

¹⁸ СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

¹⁹ СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

²⁰ СЗ РФ. 2008. № 52. Ч. 1. Ст. 6228.

Список литературы / References

1. **Абрамов В. В.** Дефиниция «безопасность» в гражданском праве и законодательстве // Вестник Перм. ун-та. Юридические науки. 2013. № 4. С. 111–117.
Abramov, V. V. Definiitsia «bezopasnost» v grazhdanskom prave i zakonodatelstve [The Definition of “Security” in Civil Law and Legislation]. *Herald of Perm University. Jurisprudence*, 2013, no. 4, p. 111–117. (in Russ.)
2. **Гарина О. В.** К вопросу о соотношении понятий «безопасность» и «национальная безопасность» Российского государства // Вестник Моск. ун-та МВД России. 2010. № 1. С. 85–86.
Garina, O. V. K voprosu o sootnoshenii poniatii «bezopasnost» i «natsionalnaia bezopasnost» Rossiiskogo gosudarstva [On the Question of the Relationship Between the Concepts of “Security” and “National Security” of the Russian State]. *Herald of Moscow University of the Russian Internal Affairs Ministry*, 2010, no. 1, p. 85–86. (in Russ.)
3. **Гончаров И. В.** О соотношении понятий «национальная безопасность», «государственная безопасность», «конституционная безопасность» // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 1. С. 116–122.
Goncharov, I. V. O sootnoshenii poniatii «natsionalnaia bezopasnost», «gosudarstvennaia bezopasnost», «konstitutsionnaia bezopasnost» [On the Relationship Between the Concepts of “National Security”, “State Security”, “Constitutional Security”]. *Relevant Problems of Russian Law*, 2009, no. 1, p. 116–122. (in Russ.)
4. **Демин И. В.** Сущность и содержание понятий «безопасность», «общественная безопасность» и «национальная безопасность» // Вестник Екатеринбургского ин-та. 2009. № 1. С. 29–30.
Demin, I. V. Sushchnost i sodержanie poniatii «bezopasnost», «obshchestvennaia bezopasnost» i «natsionalnaia bezopasnost» [The Essence and Content of the Concepts of “Security”, “Public Security” and “National Security”]. *Herald of the Catherine Institute*, 2009, no. 1, p. 29–30. (in Russ.)
5. **Диев В. С.** Некоторые концептуальные подходы к определению понятия «безопасность» // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2007. Т. 5, № 1. С. 65–68.
Diev, V. S. Nekotorye kontseptualnye podkhody k opredeleniiu poniatii «bezopasnost» [Some Conceptual Approaches to the Definition of the Concept of “Security”]. *Vestnik NSU. Series: Philosophy*, 2007, vol. 5, no. 1, p. 65–68. (in Russ.)
6. **Жаглин А. В.** Понятийный аппарат теории национальной безопасности // Вестник Воронеж. ин-та МВД России. 2014. № 3. С. 158–164.
Zhaglin, A. V. Poniatiiyniy apparat teorii natsionalnoi bezopasnosti [Conceptual Apparatus of the Theory of National Security]. *Herald of the Voronezh Institute of Russian Internal Affairs Ministry*, 2014, no. 3, p. 158–164. (in Russ.)
7. **Ильичев И. Е., Богмацера Э. В.** Общественная безопасность и безопасность общества: соотношение понятий // Проблемы правоохранительной деятельности. 2018. № 1. С. 11–19.
Ilyichev, I. E., Bogmatsera, E. V. Obshchestvennaia bezopasnost i bezopasnost obshchestva: sootnoshenie poniatii [Public Safety and Public Safety: The Correlation of Concepts]. *Problems of Law Enforcement*, 2018, no. 1, p. 11–19. (in Russ.)
8. **Кадиева Л. С.** К вопросу соотношения понятий «национальная безопасность», «государственная безопасность» и «конституционная безопасность» // Изв. вузов (Кыргызстан). 2014. № 8. С. 187–190.
Kadieva, L. S. K voprosu sootnosheniia poniatii «natsionalnaia bezopasnost», «gosudarstvennaia bezopasnost» i «konstitutsionnaia bezopasnost» [On the Question of the Relationship Between the Concepts of “National Security”, “State Security” and “Constitutional Security”]. *News of Universities (Kyrgyzstan)*, 2014, no. 8, p. 187–190. (in Russ.)
9. **Кокорин С. Н.** О проблеме терминологической определенности в законодательстве Российской Федерации «национальной безопасности» как базовой категории теории национальной безопасности // Вестник Юж.-Урал. гос. ун-та. 2007. № 28. С. 93–95.
Kokorin, S. N. O probleme terminologicheskoi opredelennosti v zakonodatelstve Rossiiskoi Federatsii «natsionalnoi bezopasnosti» kak bazovoi kategorii teorii natsionalnoi bezopasnosti [On the Problem of Terminological Certainty in the Legislation of the Russian Federation “National Security” as a Basic Category of the Theory of National Security]. *Bulletin of the South Ural State University*, 2007, no. 28, p. 93–95. (in Russ.)

10. **Поздняков А. И.** Сравнительный анализ основных методологических подходов к построению теории национальной безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. Т. 9, № 21. С. 46–53.
Pozdnyakov, A. I. Sravnitelnyi analiz osnovnykh metodologicheskikh podkhodov k postroeniiu teorii natsionalnoi bezopasnosti [Comparative Analysis of the Main Methodological Approaches to the Construction of the Theory of National Security]. *National Interests: Priorities and Security*, 2013, no. 21, p. 46–53. (in Russ.)
11. **Федотова Ю. Г.** Соотношение понятий национальной, конституционной и государственной безопасности Российской Федерации // Современное право. 2014. № 3. С. 29–37.
Fedotova, Yu. G. Sootnoshenie poniatii natsionalnoi, konstitutsionnoi i gosudarstvennoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii [The Ratio of the Concepts of National, Constitutional and State Security of the Russian Federation]. *Modern Law*, 2014, no. 3, p. 29–37. (in Russ.)
12. **Шободоева А. В.** О соотношении понятий «национальная безопасность», «государственная безопасность» и «общественная безопасность» // Обеспечение национальной безопасности России в современном мире: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2016. С. 347–355.
Shobodoeva, A. V. O sootnoshenii poniatii «natsionalnaia bezopasnost», «gosudarstvennaia bezopasnost» i «obshchestvennaia bezopasnost» [On the Relationship between the Concepts of “National Security”, “State Security” and “Public Security”]. In: Ensuring the national security of Russia in the modern world. Irkutsk, Baikal State Uni. Publ., 2016, p. 347–355. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
24.11.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Дамм Ирина Александровна, кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой деликтологии и криминологии, Сибирский федеральный университет (пр. Свободный, 79, Красноярск, 660045, Россия)

Irina A. Damm, PhD in Law, Assistant Professor, Head of Delict Science and Criminology Department, Siberian Federal University (79 Svobodny Ave., 660041 Krasnoyarsk, Russian Federation)

idamm@yandex.ru

УДК 341
DOI 10.25205/2542-0410-2019-15-1-55-62

**Реализация права на охрану здоровья
и медицинскую помощь в учреждениях УИС
(на основании анализа практики Европейского Суда
по правам человека)**

Н. Н. Кириловская

*Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний
Вологда, Россия*

Аннотация

Рассматривается практика Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) по рассмотрению жалоб, поданных из мест лишения свободы, на оказание ненадлежащего качества медицинской помощи. Проведен сравнительный анализ российского законодательства и правовых позиций ЕСПЧ в отношении критериев оценки качества медицинской помощи, выявлены особенности и проблемы реализации стандартов медицинской помощи в учреждениях уголовно-исполнительной системы, предложены пути их разрешения.

Ключевые слова

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Европейский Суд по правам человека, права человека, качество медицинской помощи, ненадлежащее оказание медицинской помощи

Для цитирования

Кириловская Н. Н. Реализация права на охрану здоровья и медицинскую помощь в учреждениях УИС (на основании анализа практики Европейского Суда по правам человека) // Юридическая наука и практика. 2019. Т. 15, № 1. С. 55–62. DOI 10.25205/2542-0410-2019-15-1-55-62

**Implementation of the Right to Health Protection
and Medical Care in Institutions of the Penal System
(Based on the Analysis of the European Court
of Human Rights)**

N. N. Kirilovskaya

*Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penal Service of Russia
Vologda, Russian Federation*

Abstract

The article deals with the practice of the European Court of human rights to consider complaints filed from places of deprivation of liberty for the improper provision of medical care. The comparative analysis of the Russian legislation and legal positions of the ECHR in relation to the category “quality of medical care” is carried out, the peculiarities and problems of its implementation in the institutions of the penal correction system are revealed, the ways of their resolution are proposed.

Keywords

European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms 1950, The European Court of Human Rights, human rights, the quality of medical care, inadequate medical care, domestic remedies

For citation

Kirilovskaya, N. N. Implementation of the Right to Health Protection and Medical Care in Institutions of the Penal System (Based on the Analysis of the European Court of Human Rights). *Juridical Science and Practice*, 2019, vol. 15, no. 1, p. 55–62. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2019-15-1-55-62

© Н. Н. Кириловская, 2019

Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. провозгласила и закрепила высшей ценностью человека его права и свободы. Право на охрану здоровья является одним из приоритетных в системе конституционных прав граждан России [1]. В качестве определяющих положений права на охрану здоровья и медицинскую помощь Конституцией Российской Федерацией определены: право каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь; запрет на проведение медицинских, научных или иных опытов без добровольного согласия; обязанность государственных и муниципальных учреждений здравоохранения оказывать медицинскую помощь гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений; реализация федеральных программ охраны и укрепления здоровья населения, принятие мер по развитию государственной, муниципальной, частной систем здравоохранения, поощрение деятельности, способствующей укреплению здоровья человека, развитию физической культуры и спорта, экологическому и санитарно-эпидемиологическому благополучию.

Закрепленные в Конституции основополагающие по медицинскому обеспечению и охране здоровья установки нашли непосредственное подтверждение и закрепление в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹. Лица, которые отбывают наказание в виде лишения свободы, имеют такое же право на надлежащую медицинскую помощь и лечение, как и все граждане. Вместе с тем порядок реализации этого права существенно отличается, так как указанные лица не могут свободно им пользоваться [2. С. 25]. Так, в частности, ст. 26 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ² конкретизирует и дополняет права лиц, лишенных свободы, на получение медицинской помощи. В частности, в необходимых случаях или при невозможности оказания медицинской помощи в учреждениях УИС закрепляется право на оказание медицинской помощи в медицинских организациях государственной системы здравоохранения и муниципальной системы здравоохранения, в соответствии с законодательством Российской Федерации (ч.1); право на приглашение для проведения консультаций врачей – специалистов указанных медицинских организаций в порядке, установленном Правительством РФ, за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, предусмотренных на эти цели федеральному органу исполнительной власти, осуществляющему правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных (ч. 3).

В п. 6 ст. 12 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации от 8 января 1997 г.³ также закрепляется право осужденных на охрану здоровья, включая получение первичной медико-санитарной и специализированной медицинской помощи в амбулаторно-поликлинических или стационарных условиях в зависимости от медицинского заключения. Более детальная регламентация права на охрану здоровья и медицинскую помощь подозреваемых, обвиняемых, осужденных содержится в Приказе Министерства юстиции Российской Федерации от 28 декабря 2017 г. № 285 «Об утверждении порядка организации оказания медицинской помощи лицам, заключенным под стражу или отбывающим наказание в местах лишения свободы»⁴. В качестве основополагающих принципов организации оказания медицинской помощи подозреваемым, обвиняемым, осужденным, документ устанавливает:

- общий порядок организации оказания медицинской помощи на территории РФ всеми медицинскими организациями;
- основой организации оказания медицинской помощи служат общие стандарты медицинской помощи;
- оказание медицинской помощи предоставляется бесплатно.

¹ СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

² Там же. Ст. 6724.

³ СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

⁴ СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 15.01.2019).

Правовое регулирование порядка организации оказания медицинской помощи лицам, заключенным под стражу или отбывающим наказание в виде лишения свободы, представляет собой систему нормативных правовых актов, главной целью которых является четкое следование и соответствие общим стандартам медицинской помощи, оказываемой всеми медицинскими организациями. В отличие от предыдущего Приказа Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 17 октября 2005 г. № 640 и Министерства юстиции РФ № 190 «О порядке организации медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу»⁵, положения Приказа № 285 содержат значительное количество бланкетных норм, отсылающих к общим документам, регламентирующим порядок оказания медицинской помощи во всех медицинских организациях.

Рассмотрим более детально действующее национальное законодательство и правовые позиции Европейского Суда по правам человека на предмет соответствия и соотношения в части оказания медицинских услуг и охраны здоровья. Первое, на что следует обратить внимание, это трактовка термина «качество медицинской помощи». В п. 21 ст. 2 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ⁶ дается определение качества медицинской помощи, которое определяется как комплексное понятие, включающее в себя следующие характеристики: своевременность оказания медицинской помощи; правильность выбора методов профилактики; правильность выбора методов диагностики; правильность выбора методов лечения; правильность выбора методов реабилитации при оказании медицинской помощи; оценка и контроль степени достижения запланированного результата. Данные критерии носят общий, абстрактный характер и, к сожалению, не позволяют оценить качество оказываемой медицинской помощи. Данный пробел восполняется положениями Постановления Правительства Российской Федерации от 10 декабря 2018 г. № 1506 «О программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов»⁷, в котором определены четкие критерии доступности и качества медицинской помощи. Критерии качества медицинской помощи условно можно объединить в несколько групп. Первая группа – это общая удовлетворенность населения медицинской помощью, в том числе городского и сельского населения; вторая – смертность населения (например, в трудоспособном возрасте, материнская смертность; младенческая смертность и т. д.); третья – заболеваемость (например, злокачественные новообразования, сердечные заболевания и т. д.); четвертая группа – обоснованные жалобы, в том числе на отказ в оказании медицинской помощи. Всего критериев, установленных Программой, насчитывается двадцать шесть. Критерии доступности медицинской помощи оцениваются с учетом таких показателей, как обеспеченность населения количественным и качественным составом медицинского персонала, а также медицинскими организациями; расходы на оказание медицинской помощи; виды медицинской помощи, оказываемой населению, и др. Таких показателей Программа устанавливает двенадцать. Каждый субъект Российской Федерации принимает свою Программу государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи и устанавливает целевые значения критериев доступности и качества медицинской помощи, оказываемой в рамках Программы для своего субъекта. Таким образом, установленные на федеральном уровне критерии качества и доступности медицинской помощи обретают в региональной Программе реальные цифры и свидетельствуют о состоянии оказываемой медицинской помощи в регионе, а также позволяют определить их достижение и выполняемость в каждой медицинской организации, участвующей в Программе. Такой контроль качества и доступности оказания медицинской помощи установлен и за медицинскими организациями УИС.

⁵ Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 46 (утратил силу).

⁶ СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

⁷ СЗ РФ. 2018. № 51. Ст. 8013.

Европейский Суд по правам человека (также – Суд, ЕСПЧ), рассматривая жалобы по вопросам оказания медицинской помощи, изучает их с точки зрения качества оказания медицинской помощи в данном конкретном случае. Оценивая качество оказания медицинской помощи, Суд оговаривается, что это сложная и непростая задача. Для выработки общей позиции при рассмотрении жалоб данного характера Суд исходит при оценке качества медицинской помощи через призму таких категорий, как «адекватность», «достаточность», «своевременность», «комплексность» и др. В п. 58 Постановления Европейского Суда по правам человека от 10 января 2012 г. по делу «Владимир Васильев против Российской Федерации» № 28370/05⁸ Суд, так же как и российский законодатель, определяет «качество медицинской помощи» как собирательное комплексное понятие, включающее в себя следующие характеристики: своевременность и точность постановки диагноза; своевременность и точность лечения; обеспечение непрерывности медицинского ухода; регулярное и систематичное наблюдение, включающее в себя всесторонние лечебные стратегии, всесторонний терапевтический подход, направленные на выздоровление заключенного или, как минимум, на предотвращение ухудшения его здоровья. Доступность медицинской помощи, согласно правовым позициям Суда, рассматривается как один из показателей ее качества. Сравнивая критерии оценки качества медицинской помощи, установленные в российском законодательстве и в правовых позициях ЕСПЧ, следует отметить, что последние носят общий, неконкретный характер, позволяя Суду расширительно их толковать. Особенностью подхода ЕСПЧ к данной категории является то, что Суд оценивает не только физическое состояние пациента путем анализа оказываемой медицинскими организациями УИС медицинской помощи, но еще и психологическую, моральную составляющую его состояния.

Анализ практики Европейского Суда по правам человека позволил сформулировать ряд выводов.

Первый вывод. По мнению ЕСПЧ, оказание ненадлежащего качества медицинской помощи подпадает под сферу действия ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.⁹ (далее – Конвенция) – бесчеловечное или унижающее достоинство обращение, которое достигает минимального уровня жестокости. Определяя минимальную степень жестокости при оказании ненадлежащего качества медицинской помощи, Суд анализирует само обращение властей к заключенному. В п. 78 Постановления Европейского Суда по правам человека от 10 января 2012 г. по делу «Сахвадзе против России» № 15492/09¹⁰ Суд констатирует, что если при оказании медицинской помощи Суд выявляет, что обращение унижает или оскорбляет человека, обнаруживая неуважение к его или ее человеческому достоинству или его принижение, либо вызывает у человека чувство страха, тоски или неполноценности, способные сломить моральное и физическое сопротивление лица, оно может быть охарактеризовано как унижающее достоинство и подпадающее под запрет, предусмотренный ст. 3 Конвенции. Статистика Суда по нарушениям ст. 3 Конвенции в части бесчеловечного или унижающего достоинство обращения в целом свидетельствует о росте нарушений в этой области: 2012 г. – 48 нарушений; 2013 г. – 49; 2014 г. – 50; 2015 г. – 44; 2016 г. – 64; 2017 г. – 107; 2018 г. – 99¹¹. Оказание ненадлежащего качества медицинской помощи не единственное нарушение в группе бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, определить точное количество нарушений, относящихся к медицине, статистика не позволяет, однако анализ постановлений ЕСПЧ в отношении Российской Федерации свидетельствует, что данные нарушения уступают лишь ненадлежащим условиям содержания в местах лишения свободы.

⁸ СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 15.01.2019).

⁹ СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

¹⁰ СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 15.01.2019).

¹¹ URL: http://www.echr.coe.int/Documents/Stats_analysis_2016_ENG.pdf (дата обращения 30.01.2019).

Второй вывод. Анализ прецедентной практики Суда в отношении Российской Федерации по жалобам на ненадлежащее оказание медицинской помощи показывает, что обращение, достигшее минимального уровня жестокости, независимо от типа и вида заболевания может быть вызвано нарушениями в отношении как своевременности и точности лечения, так и непрерывности медицинского ухода. Больше всего нарушений Суд выявляет в отсутствии систематического и регулярного наблюдения за состоянием больного и корректировки схем лечения. Так, например, в отношении *ВИЧ-инфицированных* больных Суд выявил следующие нарушения: отсутствие доступа к антиретровирусным препаратам, к специализированной медицинской помощи; отсутствие контроля по эффективности антиретровирусной терапии, регулярного иммунологического тестирования; несоблюдение рекомендации ВОЗ о немедленном прохождении антиретровирусной терапии, в случае если пациент болен одновременно ВИЧ и туберкулезом; прекращение лечения на большой промежуток времени (п. 72–75 Постановления Европейского Суда по правам человека от 12 января 2016 г. по делу «Хайлетдинов против Российской Федерации» № 2763/13; п. 99, 100 Постановления Европейского Суда по правам человека от 10 июля 2014 г. по делу «M. S. против России» № 8589/08 ¹²). В отношении больных *туберкулезом*: прерывание лечения туберкулеза в период транспортировки заключенных из одного исправительного учреждения в другое (24 дня); ранняя выписка из больницы, до завершения курса лечения, без проведения каких-либо специальных обследований (рентгеновское обследование, мазок слюны, которые могли бы предоставить объективные медицинские подтверждения относительно положительного результата лечения и обосновать решение о выписке заявителя из больницы) (п. 64 Постановления Европейского Суда по правам человека от 14 января 2010 г. по делу «Москалюк против России» № 3267/03 ¹³); отсутствие контроля за состоянием здоровья и результатов лечения; отсутствие мер на протяжении 5 лет для установления причин безуспешности лечения заявителя противотуберкулезными препаратами, игнорируя непрерывное ухудшение состояния его здоровья; непроведение надлежащего тестирования в целях выявления наиболее подходящего состава лекарственного средства; построение схемы лечения только из тех антибактериальных препаратов, которые имелись в учреждении, отсутствующие препараты в больнице исключались из схемы лечения; отсутствие комплексного плана по борьбе с заболеванием заявителя (п. 86–90 Постановления Европейского Суда по правам человека от 8 января 2013 г. по делу «Решетняк против России» № 56027/10 ¹⁴). В отношении больных *онкологическими* заболеваниями: отсутствие тщательной оценки здоровья больного; отсутствие в действиях медперсонала больницы шагов, связанных с быстрым прогрессированием заболевания заявителя и т. д. (п. 55–61 Постановления Европейского Суда по правам человека от 1 марта 2016 г. по делу «Андрей Лавров против России» № 66252/14 ¹⁵). Таким образом, обращение, достигшее минимальной степени жестокости, Суд выявляет в случаях несвоевременного проведения обследования или оказания ненадлежащего качества медицинской помощи, отсутствия комплексного, полноценного лечения, а также контроля за состоянием больного и результатами его лечения.

Для решения выявленных Судом нарушений Российская Федерация предприняла значительное количество мер. Во-первых, на законодательном уровне принят Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 28 декабря 2017 г. № 285 «Об утверждении порядка организации оказания медицинской помощи лицам, заключенным под стражу или отбывающим наказание в местах лишения свободы» ¹⁶, который устанавливает и регламентирует вопросы преемственности, системности оказания медицинской помощи, а также тесного

¹² СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 15.01.2019).

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

взаимодействия с системой государственных органов здравоохранения для обеспечения непрерывного лечения и ухода. Положения Приказа № 285 детально закрепляют и регламентируют порядок организации медицинской помощи при перемещении осужденных и лиц, заключенных под стражу, делая акцент на соблюдение принципа преемственности при оказании медицинской помощи, что отвечает как Минимальным стандартным правилам ООН в отношении обращения с заключенными 2015 г.¹⁷, так и правовым позициям ЕСПЧ. Во-вторых, для оказания качественной медицинской помощи лицам, находящимся в учреждениях УИС, при необходимости используются возможности медицинских организаций государственной и муниципальной систем здравоохранения субъекта Российской Федерации. Так, например, в 2017 г. для оказания медицинских услуг осужденным, содержащимся в учреждениях УФСИН России по Вологодской области, с учреждениями государственной и муниципальной систем здравоохранения Вологодской области было заключено 25 государственных контрактов, израсходовано более 4,5 млн руб. Услуги оказывались как без вывоза осужденных из учреждения (проведение лабораторных исследований, консультации врачей узких специальностей по месту отбывания наказания осужденного), так и с вывозом (проведение инструментального обследования – КТ, МРТ; проведение лечебных процедур как в амбулаторных, так и стационарных условиях и другие меры. Такое взаимодействие всегда оправдано и имеет положительное значение и последствия.

Третий вывод. Оценка Судом обращения, достигшего минимального уровня жестокости, осуществляется на основании представленных сторонами доказательств. Согласно устоявшейся прецедентной практике, доказательство, отвечающее принципу «вне всякого разумного сомнения», может вытекать из одновременного наличия двух и более достаточно обоснованных, очевидных и согласующихся выводов и заключений или схожих не опровергнутых фактических презумпций (п. 55, 56 Постановления Европейского Суда по правам человека от 4 октября 2016 г. по делу «Климов против Российской Федерации» № 54436/14¹⁸). В частности, если в жалобе заявителя содержатся достаточные ссылки на рассматриваемое состояние здоровья заявителя, соответствующие медицинские предписания, которые заявитель пытался получить, которые были сделаны или в которых было отказано, а также некоторые доказательства, например экспертные заключения, которые способны указать на серьезные упущения в оказании медицинской помощи заявителю, а власти не смогли представить *достоверных, убедительных и полноценных* объяснений, опровергающих заявления заявителя, то Суд в этом случае может прийти к выводу об обоснованности утверждений заявителя, не ограничивая себя какими-либо процессуальными барьерами для признания доказательств допустимыми либо заранее определенными правилами их оценивания.

Четвертый вывод. Рассмотрение жалобы в Европейском Суде по правам человека возможно после исчерпания всех эффективных средств правовой защиты в государстве-члене. Однако позиция Суда, сформировавшаяся по данному вопросу еще в 2012 г. (см., например, Постановление Европейского Суда по правам человека от 27 декабря 2012 года по делу «Дирдизов против России» № 41461/10¹⁹), относительно нашего государства не меняется до сих пор. В п. 19 Постановления Европейского Суда по правам человека от 7 февраля 2017 г. по делу «Секретарев и другие против Российской Федерации» № 9678/09²⁰ Суд считает, что по данной категории нарушений в Российской Федерации отсутствуют эффективные внутригосударственные средства правовой защиты, которые необходимо пройти заявителю, прежде чем обратиться в международный орган. Так, например, Суд анализирует как судебные, так и внесудебные российские средства правовой защиты и делает вывод об их недостатках и несоответствии тем необходимым требованиям эффективности, которые за-

¹⁷ URL: <http://www.unodc.org> (дата обращения 10.01.2019).

¹⁸ СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 15.01.2019).

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

креплены в Конвенции 1950 г. В частности, сочетание в себе превентивных и компенсаторных элементов правовой защиты, а также наличия не только теоретической, но и практической определенности средства правовой защиты. Следует отметить, что с введением Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ²¹ ситуация изменилась в лучшую сторону, упростилась процедура обращения и рассмотрения таких жалоб в национальных судах. В связи с этим при подготовке властями Российской Федерации ответа на рассматриваемую ЕСПЧ жалобу необходимо представлять подробную информацию о практике национальных судов по рассмотрению жалоб на оказание ненадлежащего качества медицинской помощи.

Таким образом, право на охрану здоровья и медицинскую помощь лиц, находящихся в учреждениях УИС, имеет законодательное оформление и регламентацию как на федеральном, региональном, так и локальном уровне, что свидетельствует о комплексном правовом регулировании. Следует заметить, что ЕСПЧ отмечает полноценность российского правового регулирования в вопросах оказания медицинской помощи, однако у Суда остаются вопросы в части его реализации. К числу основных проблем, с которыми сталкиваются медицинские учреждения УИС, относятся и общие проблемы, характерные для всех медицинских организаций (так, например, недостаточность финансирования, кадровый дефицит и др.), и специфические, характерные только для медицинских учреждений УИС (так, например, специальный контингент пациентов, особые условия оказания медицинской помощи и др.). Однако надо отметить, что медицинские учреждения УИС в некоторых случаях находятся в лучших условиях, чем государственные и муниципальные медицинские учреждения. Отчасти это связано с повышенным вниманием к ним и контролем со стороны общества и международных правозащитных органов, деятельность которых на территории Российской Федерации санкционирована. Однако все же следует отметить, что для устранения причин обращений в ЕСПЧ подозреваемых, обвиняемых, осужденных в части оказания ненадлежащего качества медицинской помощи считаем целесообразным уделять повышенное внимание проведению медицинских осмотров при поступлении подозреваемых, обвиняемых, осужденных в учреждения УИС в части его полноценного характера; проведению систематического и полноценного контроля за эффективностью назначенного лечения; проведению профилактических мероприятий по предупреждению распространения социально значимых заболеваний; продолжению практики активного взаимодействия с медицинскими организациями государственной и муниципальной систем здравоохранения и др. Все эти меры будут не только способствовать выполнению Российской Федерацией принятых на себя международных обязательств как на универсальном, так и на региональном уровне, но и повышать качество и доступность медицинской помощи в учреждениях УИС.

Список литературы / References

1. **Эртель Л. А.** Нормативно-правовое регулирование медицинского обеспечения осужденных и лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях России // Социальное и пенсионное право. 2017. № 1. С. 20–29.
Ertel, L. Normativno-pravovoye regulirovaniye meditsinskogo obespecheniya osuzhdennykh i lits, soderzhashchikhsya v penitentsiarnykh uchrezhdeniyakh Rossii [Normative and legal regulation of medical care of convicts and persons held in penitentiary institutions of Russia]. *Social and Pension Law*, 2017, no. 1, p. 20–29. (in Russ.)
2. **Климова Д. В.** Проблемы реализации конституционного права на охрану здоровья лиц, осужденных к лишению свободы // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 10. С. 25–27.

²¹ СЗ РФ. 2015. № 10. Ст.1391.

Klimova, D. V. Problemy realizatsii konstitutsionnogo prava na okhranu zdorov'ya lits, osuzhdennykh k lisheniyu svobody [Problems of realization of the constitutional right to health protection of persons sentenced to imprisonment]. *Constitutional and Municipal Law*, 2016, no. 10, p. 25–27. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

15.02.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Кириловская Наталья Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета, Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний (ул. Панкратова, 65, Вологда, 160002, Россия)

Natalia N. Kirilovskaya, Candidate of Juridical Sciences, Docent, Head of the Department of State and Legal Disciplines, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia (65 Pankratov Str., Vologda, 160002, Russian Federation)

Natasha.8172@mail.ru

Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа за совершение нецелевого расходования бюджетных средств

А. А. Пастушенко

*Хабаровский государственный университет экономики и права
Хабаровск, Россия*

Аннотация

Рассматривается вопрос практического применения института освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в контексте уголовного преследования за совершение нецелевого расходования бюджетных средств. Дана авторская оценка такому правовому механизму с учетом сформированной судебной практики, статистических показателей и уголовно-правовых особенностей ст. 285¹ УК РФ. При написании статьи использовались такие специальные методы, как сравнительно-правовой, формально-логический, системный. По результатам исследования сделан вывод о сложности практического применения указанного уголовно-правового института при разрешении вопросов уголовной ответственности за совершение нецелевого расходования бюджетных средств, отмечен его слабый профилактический потенциал. Соответственно частое применение рассматриваемого порядка освобождения от уголовной ответственности нивелирует значение уголовно-правового механизма защиты бюджетных средств.

Ключевые слова

уголовная ответственность, судебный штраф, бюджетные средства, нецелевое расходование, судимость

Для цитирования

Пастушенко А. А. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа за совершение нецелевого расходования бюджетных средств // Юридическая наука и практика. 2019. Т. 15, № 1. С. 63–67. DOI 10.25205/2542-0410-2019-15-1-63-67

Exemption from Criminal Responsibility with the Purpose of a Judicial Strated for the Perfection of the Unpelficied Expense of Budgetary Funds

A. A. Pastushenko

*Khabarovsk State University of Economics and Law
Khabarovsk, Russian Federation*

Abstract

The article deals with the practical application of the institution of exemption from criminal liability with the appointment of a judicial fine in the context of criminal prosecution for the misuse of budgetary funds. The author's assessment of this legal mechanism is given, taking into account the established judicial practice, statistical indicators and the criminal law specifics of article 285¹ of the Criminal Code of the Russian Federation. When writing the article, such special methods were used as comparative legal, formal logical, systematic. According to the results of the study, it was concluded that the practical application of this criminal law institution is difficult to resolve issues of criminal responsibility for the misuse of budget funds, its weak preventive potential is noted. Accordingly, the frequent use of the procedure for exemption from criminal responsibility under consideration negates the importance of the criminal law mechanism for the protection of budget funds.

Keywords

criminal liability, judicial fine, budgetary funds, misuse, criminal record

For citation

Pastushenko, A. A. Exemption from Criminal Responsibility with the Appointment of a Judicial Fine for Committing of the Unspecified Expense of Budget Funds. *Juridical Science and Practice*, 2019, vol. 15, no. 1, p. 63–67. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2019-15-1-63-67

Идеальная модель уголовно-правовых отношений предусматривает обязанность лица, совершившего преступление, претерпеть определенные негативные последствия, налагаемые государством в соответствии с уголовным законом. При этом посредством реализации одной из форм уголовной ответственности, а именно назначения наказания, достигаются конкретные общественно-значимые цели (восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, предупреждение совершения новых преступлений).

Однако существующее уголовное законодательство, в том числе российское, допускает исключения из указанного правила. К числу таких можно отнести ситуацию, когда присутствуют все необходимые условия привлечения лица к уголовной ответственности, но государство отказывается от публичного порицания. Речь идет о таком институте уголовного права, как освобождение от уголовной ответственности.

Как отмечают А. В. Бриллиантов и А. Н. Караханов, «социальное значение института освобождения от уголовной ответственности состоит в том, что государство оказывает лицу, совершившему преступление, доверие и рассчитывает на его законопослушное поведение в будущем» [1. С. 263].

Глава 11 Уголовного кодекса РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ¹ (далее – УК РФ) содержит несколько видов освобождения от уголовной ответственности, наиболее «молодым» и специфичным из которых является освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа.

Введенная в УК РФ Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»² ст. 76² предусматривает, что лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено судом от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в случае, если оно возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред.

Отличительная особенность данного института от иных видов освобождения от уголовной ответственности заключается в его смешанной природе. Так, его реализация предусматривает применение к виновному лицу меры уголовного наказания – штрафа, что не позволяет говорить о полном освобождении лица от какого-либо порицания.

Как было отмечено в пояснительной записке к проекту указанного Федерального закона дополнение УК РФ ст. 76² повысит возможности объединения уголовной ответственности и иных мер в предупреждении и борьбе с противоправными действиями³.

Рассмотрим представленный способ освобождения от уголовной ответственности через призму его практического применения относительно конкретного состава преступления.

В качестве такого нами избрана ст. 285¹ УК РФ «Нецелевое расходование бюджетных средств». Данный выбор обусловлен не только стратегической важностью защиты бюджетных средств, но и статистическими показателями применения ст. 76² УК РФ в отношении лиц, виновных в совершении указанного преступления.

Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2017 г.⁴ по ст. 285¹ УК РФ было осуждено три человека, в отношении шести человек были прекращены уголовные дела (уголовное преследование) в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Статистика за 2016 г.⁵ дает такой же показатель по осужденным, но не отражает сведений о прекращенных делах (уголовных преследованиях) по причине применения ст. 76² УК РФ

¹ СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² СЗ РФ. 2016. № 27 (часть II). Ст. 4256.

³ Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/953369-6> (дата обращения 08.01.2019).

⁴ Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4572> (дата обращения 08.01.2019).

⁵ Там же.

(форма отчетности, предусматривающая данный показатель была утверждена только в апреле 2017 г.). При этом в ходе проведенного анализа было выявлено как минимум три случая прекращения уголовных дел по таким основаниям.

Таким образом, по данным 2017 г. видно, что на одного осужденного приходится два прекращенных уголовных дела. Эти сведения указывают на активное использования правоприменителем настоящего института при разрешении вопросов уголовной ответственности за нецелевое расходование бюджетных средств.

Однако, учитывая реальную общественную опасность такого деяния, возникает вопрос о целесообразности и эффективности освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа за совершение преступления, предусмотренного ст. 285¹ УК РФ.

По данному вопросу отметим следующее. Статьей 104⁵ УК РФ определено, что размер судебного штрафа не может превышать половину максимального размера штрафа, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ. Соответственно, применение указанных норм ограничивает размер судебного штрафа при квалификации действий по ч. 1 ст. 285¹ УК РФ суммой в 150 000 рублей (при минимальном размере штрафа как меры наказания 100 000 рублей), при квалификации действий по ч. 2 ст. 285¹ УК РФ суммой в 250 000 рублей (при минимальном размере штрафа как меры наказания 200 000 рублей).

Минимальный же размер судебного штрафа УК РФ не определен. Частью 2 ст. 104⁵ УК РФ зафиксированы общие условия определения размера судебного штрафа («размер судебного штрафа определяется судом с учетом тяжести совершенного преступления и имущественного положения лица, освобождаемого от уголовной ответственности, и его семьи, а также с учетом возможности получения указанным лицом заработной платы или иного дохода»).

Применение указанного механизма судебного штрафа позволяет не только освобождать нарушителей от уголовной ответственности, но и назначать неравнозначный размеру допущенного нецелевого расходования бюджетных средств судебный штраф.

Например, Н. В. Ю., обвиняемый в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 285¹ УК РФ (сумма нецелевого расходования 25 000 000 рублей) был освобожден от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в размере 25 000 рублей⁶.

Судебная практика за 2017 г. знает другой показательный пример. Так, постановлением Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатского края от 11 октября 2017 г. было прекращено уголовное дело в отношении ФИО1, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 285¹ УК РФ, а именно израсходовании бюджетных средств в особо крупном размере в сумме 37 700 000 рублей, на цели, не соответствующие условиям их получения. ФИО1 была назначена мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере 80 000 рублей⁷.

Одним из условий применения положений ст. 76² УК РФ является возмещение лицом, совершившим преступление, ущерба, или если оно иным образом загладило причиненный преступлением вред.

Учитывая формальный характер нецелевого расходования бюджетных средств, считаем, что определить категорию «ущерб» для данного состава преступления представляется затруднительным.

Из п. 2.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»⁸ следует, что под ущербом нужно понимать имущественный вред, который может быть возмещен в натуре (в частности, путем предоставления имущества

⁶ Постановление Ленинского районного суда г. Костромы от 15 ноября 2017 года. URL: https://leninsky--kst.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=85885988&delo_id=1540006&new=0&text_number=1&case_id=73389684 (дата обращения 09.01.2018).

⁷ URL: https://p-kamchatsky--kam.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=10758224&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения 09.01.2018).

⁸ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.

взамен утраченного, ремонта или исправления поврежденного имущества), в денежной форме (например, возмещение стоимости утраченного или поврежденного имущества, расходов на лечение) и т. д.

Рассматривая в качестве ущерба только сумму бюджетных средств, которые были расходованы по нецелевому назначению, не стоит игнорировать начальное предназначение этих средств. Так, данные средства могли быть выделены на создание объектов социально-гуманитарного назначения (например, школа или больница), но в результате преступных действий были направлены на иные цели. Соответственно, понимая под возмещением ущерба при нецелевом расходовании бюджетных средств исключительно возвращение бюджетных средств в «исходное состояние» (например, из нижестоящего бюджета вышестоящему), не стоит забывать о более серьезных последствиях совершенного преступления (например, срыв сроков строительства больницы, в результате чего граждане не могли своевременно получать медицинскую помощь).

В указанном постановлении также отмечено, что под заглаживанием вреда понимается имущественная, в том числе денежная, компенсация морального вреда, оказание какой-либо помощи потерпевшему, принесение ему извинений, а также принятие иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства.

При этом проецирование указанных разъяснений на состав преступления, предусмотренный ст. 285¹ УК РФ, также свидетельствует об их оценочном характере и сложности применения на практике.

Соответственно судом будет даваться оценка данному обстоятельству в каждом конкретном случае. Так, при рассмотрении ходатайства о прекращении уголовного дела и уголовного преследования в отношении В. А. И. и назначении ему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа судом было отмечено, что В. А. И. загладил причиненный преступлениями вред путем перечисления ГБОУ СО «Сухоложский многопрофильный техникум» добровольного пожертвования в сумме 10 000 рублей, оказанием консультативной и методической помощи администрации образовательного учреждения⁹.

Рассматривая освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа за совершение нецелевого расходования бюджетных средств, отметим также, что применение к нарушителю ст. 76² УК РФ исключает действие такого уголовно-правового явления, как судимость.

Установленное ст. 86 УК РФ правило о том, что лицо, осужденное за совершение преступления, считается судимым со дня вступления обвинительного приговора суда в законную силу до момента погашения или снятия судимости, не применимо к рассматриваемой ситуации в силу отсутствия необходимого условия, а именно самого факта осуждения, выраженного в форме обвинительного приговора суда.

Такое особое правовое состояние лица, как отмечает М. Г. Левандовская [2. С. 499], понимая под ним судимость, тесно связано с возможностью осуществления в дальнейшем профессиональной деятельности.

Так, в соответствии с пп. 1 п. 2 ст. 39 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»¹⁰ одним из оснований увольнения с гражданской службы является осуждение гражданского служащего к наказанию, исключающему возможность замещения должности гражданской службы, по приговору суда, вступившему в законную силу.

Учитывая, что субъектом нецелевого расходования бюджетных средств является должностное лицо получателя бюджетных средств, то наличие судимости за данное преступление

⁹ Постановление Сухоложского городского суда от 23 октября 2017 г. URL: [https://suholozhsky--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_id=194656812&_deloid=1540006&_caseType=0&_new=0&_doc=1&sr_v_num=1\(дата обращения 09.01.2018\)](https://suholozhsky--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_id=194656812&_deloid=1540006&_caseType=0&_new=0&_doc=1&sr_v_num=1(дата обращения 09.01.2018)).

¹⁰ СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

будет препятствием для замещения нарушителем должностей гражданской (муниципальной) службы. Данное ограничение, по нашему мнению, является реальным способом предупреждения совершения преступлений.

Соответственно освобождение лица от уголовной ответственности в рамках реализации ст. 76² УК РФ лишает указанного дополнительного механизма «воспитания» правонарушителя.

Обобщая сказанное, отметим, что активное применение института освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа за совершение нецелевого расходования бюджетных средств не только не отвечает принципу справедливости, но и фактически создает условия для совершения новых преступлений.

Список литературы / References

1. **Блинников В. А., Бриллиантов А. В., Вагин О. А. и др.** Уголовное право России. Части Общая и Особенная: Учебник. М.: Проспект, 2015. 1184 с.
Blinnikov, V. A., Brilliantov, A. V., Vagin, O. A. et al. Ugolovnoe pravo Rossii. Chasti Obshchaya i Osobennaya [Criminal law of Russia. Parts General and Special]. Textbook. Moscow, Prospekt, 2015, 1184 p. (in Russ.)
2. Уголовное право. Общая часть: учебник / Под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРА-М, 2008. 560 с.
Inogamova-Khegai, L. V., Rarog, A. I., Chuchayev, A. I. (eds.). Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast [Criminal law. Parts General]. Textbook. Moscow, Law firm «KONTRAKT»: INFRA-M, 2008, 560 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

10.02.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Пастушенко Артем Александрович, аспирант, Хабаровский государственный университет экономики и права (ул. Тихоокеанская, 134, Хабаровск, 680042, Россия)

Artem A. Pastushenko, Postgraduate Student, Khabarovsk State University of Economics and Law (134 Tikhookeanskaya Str., Khabarovsk, 680042, Russian Federation)

Gotthard89@rambler.ru

Уважаемые авторы!

Журнал «Юридическая наука и практика» (ISSN 2542-0410) выпускается Институтом философии и права Новосибирского государственного университета и распространяется по подписке (подписной индекс в каталоге ОАО «Роспечать» – 18284, в каталоге «Пресса России» – 11231).

В журнале публикуются материалы, соответствующие основным рубрикам: «История и теория государства и права», «Конституционное и муниципальное право», «Гражданское и предпринимательское право», «Трудовое право и право социального обеспечения», «Экологическое право», «Гражданский и арбитражный процесс», «Административное и финансовое право», «Уголовное право и процесс, криминалистика», «Международное право» и «Научная жизнь, публикации, рецензии, переводы». Статьи иностранных авторов, выполненные на иностранных языках, публикуются по согласованию с автором в переводе на русский язык.

Недопустимо представление в редакцию ранее опубликованных статей, а также рукописей, скомпилированных из цитат и пересказов ранее опубликованных научных работ. Автор несет ответственность за присутствие в представляемом материале любых форм заимствования. В случае обнаружения не согласующегося с законодательством об авторском праве и смежных правах заимствования материал безусловно отклоняется; дальнейшее сотрудничество журнала с автором прекращается.

Решение редакционной коллегии о принятии статьи к печати или об отклонении сообщается авторам по электронной почте.

Возвращение рукописи на доработку не означает, что статья принята к печати. Доработанный вариант необходимо прислать в редакцию вместе с ее начальной версией, рецензией ответом на замечания рецензента не позднее двух месяцев со дня его отсылки. В противном случае первоначальная дата поступления статьи при публикации не указывается.

После выхода журнала бесплатные (так называемые авторские) номера не предоставляются. Авторы самостоятельно приобретают журнал по розничной цене. Иногородним авторам возможна высылка журнала наложенным платежом по индивидуальной договоренности.

Правила оформления рукописи

Авторы представляют материалы объемом: статьи – 1 п.л., научного сообщения – 0,5 п.л., а рецензии – одной трети печатного листа на русском языке. Текст должен быть набран одним и тем же шрифтом – Times New Roman, высота шрифта – 14 пунктов, в формате Word, межстрочный интервал 1,5. Абзацный отступ – 1,25 см. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы. Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только по согласованию с редакцией.

В тексте статьи указывается индекс УДК¹.

ФИО автора, место работы, адрес должны быть указаны на русском и английском языках.

К материалу должны прилагаться аннотация рукописи, ключевые слова, список литературы на русском и английском языках. Объем аннотации: 1000–1500 знаков с пробелами.

При несоблюдении этого требования редколлегия оставляет за собой право вернуть представленный материал автору без рассмотрения.

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указываются номер источника, указанного в Списке литературы, номер страницы источника (для монографий и периодических изданий). Например: [12. С. 37].

В конце статьи помещается список литературы в **порядке цитирования**. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, город, название издательства или издающей организации,

¹ См. онлайн справочник УДК: <http://teacode.com/online/udc/34/34.html>

год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи). **Ссылки на архивные документы оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы).**

В конце статьи авторы могут поместить список использованных обозначений и сокращений.

В рукописи статьи на последней странице необходимо указать следующие сведения:

- фамилия, имя, отчество (*полностью*);
- полное наименование организации – основного места работы (с указанием почтового адреса и индекса);
- занимаемая должность;
- ученая степень и звание (если есть);
- воинское или специальное звание (если есть);
- e-mail (*обязательно*), ORCID, SPIN и т. п. (если есть), номер мобильного, рабочего и / или домашнего телефона (*данная информация необходима для оперативного взаимодействия редколлегии с автором*).

Образец оформления рукописи

УДК 341.9

Европейское право

И. И. Иванов

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Ключевые слова

Благодарности (если есть)

European Law

I. I. Ivanov

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Keywords

Acknowledgements

Основной текст статьи

Список литературы / References

1. **Гладышев С. И.** Исполнительное производство в английском и российском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 28 с.
Gladyshev S. I. Enforcement proceedings in the English and Russian law. Abstract of dis. Moscow, 2001, 28 p. (in Russ.)
2. **Проскурин С. Г.** Эволюция права в семиотическом аспекте // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Право. 2008. Т. 4, № 2. С. 11–18.
Proskurin S. G. Evolution of Law in semiotic aspect. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Law*, 2008, vol. 4, no. 2, p. 11–18. (in Russ.)

Сведения об авторе / Information about the Author

Иванов Иван Иванович, кандидат юридических наук, доцент, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Ivan I. Ivanov, PhD in Law, Associate Professor, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

ivanov@mail.ru

ORCID

SPIN

Тел.: +7-111-111-11-11

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Адрес редакционной коллегии

Институт философии и права
Новосибирского государственного университета
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: +7 (383) 266 73 79

E-mail: jurisprudence@mail.nsu.ru